

Игорь Валериев

ЕРМАК

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Игорь Валериев
Ермак. Телохранитель
Серия «Ермак», книга 2
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43091374

Ермак: Телохранитель: роман / Игорь Валериев: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-118493-3

Аннотация

Встреча с цесаревичем Николаем Романовым и его спасение от смерти коренным образом меняют жизнь Ермака: юнкерское училище, первое офицерское звание, награда из рук императорской четы. Потомственный дворянин и Георгиевский кавалер Аленин-Зейский получает доступ в высший свет. Новые знакомства, новая любовь и новое назначение. Юный хорунжий Тимофей Аленин становится начальником телохранителей наместника Дальнего Востока – его императорского высочества государя наследника Николая Александровича.

Перед Ермаком встает главный вопрос – вызваны ли эти изменения истории его действиями, или всё же он попал в параллельный мир?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	32
Глава 3	68
Глава 4	114
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Игорь Валериев

Ермак. Телохранитель

Посвящается любимой жене Людмиле. За её терпение и поддержку.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Сергея Викторовича Акимова, Сергея Евдокимова, Игоря Георгиевича Мармонтова, Александра Сергеевича Орлова, Игоря Аркадьевича Черепнёва.

Пролог

– Ложись!!! – с этим криком я схватил цесаревича за плечи и, рванув на себя и вниз, бросил наследника на палубу, навалившись на него сверху.

Пока остальные застыли в оцепенении, Тур и Леший прыгнули вперёд и уже под раздавшиеся с острова выстрелы повалили генерал-губернатора и князя Барятинского. Тур и хозяин Приамурья при падении одновременно вскрикнули.

«Здорово я ребят натаскал за два года. Как быстро среагировали», – самодовольно подумал я и осёкся, увидев кровь на спине Тура и лице генерал-губернатора.

В то же мгновение раздался ещё один залп, и у борта справа рядом с носом рухнули два атаманца, которые никак не отреагировали на мой крик и продолжали стоять в полный рост, успев только вскинуть к плечу винтовки. «Не жильцы, – подумал я. – Так раненые не падают». Кроме атаманцев, схватившись за грудь, на палубу повалился штабс-ротмистр Волков. Есаул Вершинин и доктор Рамбах присели, а капитан Самохвалов застыл столбом.

Цесаревич энергично завозился, пытаясь скинуть меня с себя.

– Ваше высочество, лежите спокойно. Это нападение. Не поднимайтесь, – скороговоркой выпалил я в лицо побледневшему Николаю. – Лежите! Здесь непростреливаемая зо-

на получается.

Я сполз с цесаревича и огляделся. Картина была удручающей. Хотя до острова оставалось еще метров триста, слаженные многочисленные залпы спрятавшихся в кустах бандитов нанесли ощутимые потери.

Из четырѐх атаманцев, которые были на баке, трое были мертвы, четвёртый лежал на спине, и при выдохе у него на губах надулся кровавый пузырь. Были ранены Тур и генерал-губернатор. Остальные атаманцы и Ус, который был по видимому мне борту, укрылись, спрятавшись за борт. Что творилось на другой стороне парохода, я не видел. Но будем надеяться, что Лис и Чуб уцелели.

Князь Барятинский на четвереньках уже подобрался к убитому атаманцу и вытаскивал из-под него винтовку. «Вот это реакция у генерала, – подумал я. – Подтверждает на деле его сиятельство, что золотое оружие в этом времени просто так не давали».

Я расстегнул клапан подсумка и достал наш индивидуальный медицинский пакет. «Доктор! Доктор!» – позвал я фон Рамбаха. Когда тот сфокусировал на мне взгляд, бросил ему пакет.

– Доктор, перевяжите генерал-губернатора. Он ранен.

Доктор осмысленно кивнул, подобрал сверток, подполз на коленях к Корфу и начал разворачивать медпакет.

– Тур! Тур! – окликнул я Антипа. – Ты как?

Верхотуров повернул в мою сторону голову.

– Нормально всё, Ермак. Только перед глазами плывёт.

– Тур, достань медпакет и отдай доктору. Он тебя сейчас перевяжет. Леший, аккуратнее. Смещайся вдоль борта, не застывай на месте, – крикнул Вовке, который уже вёл огонь по засаде, укрываясь бортом и перемещаясь вдоль него после каждого выстрела.

Пока я осматривался и раздавал первые распоряжения, Николай лежал на спине и внимательно смотрел на меня.

– Тебе совсем не страшно, Тимофей? – внезапно задал вопрос цесаревич.

– Страшно, ваше высочество, ещё как страшно. Вы пока полежите. А мне надо в чувство капитана привести.

Резко выдохнув, я вскочил на ноги и, сделав пару шагов, прыгнул на капитана парохода, уронив его на палубу. Сделал я это вовремя. По стенке кают вновь забарабанили пули. Наверху раздался звук разбитого стекла.

«Стёкла в рубке разнесли», – подумал я, развернув капитана лицом к себе.

– Господин капитан, вы меня слышите? Господин капитан!

Глаза на бледном с синюшным отливом лице Самохвалова бессмысленно уставились на меня.

«Шок! Причём конкретный! Да здравствует интенсивная терапия! Будем клин клином вышибать!» – подумал я и закатил капитану пару оплеух.

– Ты, хрен водоплавающий, якорь тебе в зад, ты меня слы-

шишь? – заорал я в ухо капитану.

Самохвалов очумело затряс головой и с испугом посмотрел на меня.

– Ты должен сейчас меня бояться! Понял, сцука? – я хватил из крепления метательный нож и, скорчив зверскую рожу, приставил его остриё к глазу капитана. – Если ты сейчас не сделаешь то, что я тебе прикажу, я тебе глаз выколю!

По вискам капитана поползли капли пота, но взгляд стал более осмысленный.

Я поднялся и рывком за ворот поднял с палубы капитана.

– Бегом в рубку, – я толкнул Самохвалова в спину, заставляя его быстрее перебирать ногами.

Пробежав вдоль борта, добрались до трапа, который вёл наверх. Подталкивая капитана, поднялись в рулевую рубку с разбитыми стёклами и отверстиями от пуль в стене. На огромном, в человеческий рост, рулевом колесе мёртвым грузом обвис рулевой. Отвалив тело в сторону, я поставил к колесу капитана.

– Слушай сюда! Правишь вон туда между островом и берегом в пойму, – я указал направление ножом. – Всё понял?

– Как смеешь так со мной разговаривать, казак? – лицо капитана стало багроветь.

– Отлично! В себя наконец-то пришли, ваше благородие. – Я убрал в разгрузку нож. – Живы останемся, принесу вам все мыслимые извинения. А сейчас правьте туда, куда я указал, и на полном ходу.

– Мы можем там сесть на мель и застрять!

– Ваше благородие, главная задача – спасти государя наследника. Целостность парохода – полная ерунда. Там в пойме нас казаки прикроют, и цесаревича можно будет на берег эвакуировать.

– Хорошо! – окончательно пришедший в себя Самохвалов, подошёл к раструбу переговорной трубы и заорал: – Механик, механик, полный ход, самый полный!!!

Я выскочил из рубки и скатился по трапу. Увидев испуганные глаза матроса Прошки, крикнул ему:

– Двух рулевых, что с «Ермака» перевели, мухой в рубку. Прошка, развернувшись, побежал под навес на баке.

Всё это время, пока я разбирался с капитаном парохода, судно продолжали обстреливать. С носа корабля редко стреляли оставшиеся в живых и целые Леший, есаул Вершинин, князь Барятинский, а также подскочившие на нос по правому борту Чуб, Ус и два атаманца.

Корабль между тем начал резко набирать ход, поворачивая к правому берегу и подставляя для обстрела левый борт. С юта и из-за левого борта защелкали выстрелы находившихся там атаманцев и Лиса. Пароход-конвоир также стал набирать ход, пытаясь обойти «Вестник» и закрыть его собой. С него также затрещали выстрелы винтовок.

Я, пригибаясь, подбежал к цесаревичу и упал на палубу. Та бухта каната, на которой я сидел, и свёрнутый канат носового якоря создали небольшой, непробиваемый для пуль

щит, где разместились уже перевязанные Корф и находящийся без сознания Тур, доктор Рамбах, а также перебравшийся к ним наследник престола.

– Ваше высочество, судно начало поворот направо, переберитесь дальше за канаты, чтобы не попасть под обстрел.

Я резко встал на колени и, приложив винтовку к плечу, посмотрел на быстро приблизившийся остров, до которого оставалось метров сто. Над головой свистнула пуля, и я непроизвольно пригнул голову.

– Аленин?! – услышал я басовитый рык Барятинского.

Повернув голову на окрик, увидел князя, пригнувшегося за бортом и перезаряжающего подствольный магазин винтовки Лебеля. Вид у его светлости был грозен. Борода распушилась, глаза из-под густых бровей сверкали, по левой щеке от виска стекала струйка крови.

– Куда пароход повернул, говори?

– В пойму к нашему берегу, там государя наследника можно будет на сушу переправить под защиту казаков. Их там больше полусотни.

– Молодец! Правильно решил! – Барятинский, вставив десятый патрон в ствол, задвинул затвор. – Братцы, защитим государя наследника! Огонь по супостату!

Вслед за князем, приподнявшись над бортом, открыли огонь все защитники носовой части парохода. Я вскинул винтовку и прицелился в мелькнувший за кустом на берегу силуэт. Выстрел. Перезарядка. Сместился левее на шаг. По-

иск цели на берегу. Вспышка из кустов. Аккуратно под срез целимся. Выстрел. Из кустов выпала винтовка.

«Вестник» между тем, набрав приличную скорость, прошёл ближайшую к острову Разбойный точку и начал отдаляться от засады, заходя за затопленный остров. Пули все ещё стучали, впиваясь в борта, стенки кают. Но обстрел стихал, становясь реже.

«Ермак» почти догнал пароход цесаревича и начал сбавлять ход. С него велась интенсивная стрельба по месту засады. Судя по частоте выстрелов, потерь с нашей стороны на конвоире почти не было.

Тут, я краем глаза заметил, что Николай хочет подняться на ноги.

– Ваше высочество, лежите, ради бога. Не хватало ещё, чтобы в вас попали.

– Не много ли на себя берёшь, Аленин? – Бледное лицо Николая стало наливаться кровью. – Все воюют, а я прячусь, как какой-то жалкий трус.

– Ваше высочество, уже пять ваших атаманцев из конвоя погибли, чтобы вы остались живы. Не делайте их гибель бессмысленной.

– Тимофей прав, государя наследник, – раздался слабый и тихий голос генерал-губернатора. – Укройтесь, пока не добрались до безопасного места. Вы должны остаться живым. И это не трусость.

Я, заметив, как из кустов засады выскочили три бандита,

стреляя вслед пароходу, выцелил крайнего и свалил его. Раздавшиеся следом с палубы ещё несколько выстрелов уложил на песок и оставшихся двух нападавших.

Пароход в это время начал сбавлять скорость и, пройдя полузатопленный остров, вошёл в пойму, наматывая на колесо траву. Раздался треск, пароход дёрнулся несколько раз, сбивая всех стоящих с ног, и встал окончательно. Гребное колесо ещё молотило по воде, выбрасывая за кормой кучу ила. Через несколько секунд раздался треск, и колесо остановилось. Я приподнялся с палубы, оглядываясь по сторонам.

«Ну что ж, могло быть и хуже», – подумал я. Судно с маху вошло на заливные луга метров на пятнадцать. Полузатопленный остров прикрыл пароход от засады на острове Разбойный, до которой было метров двести пятьдесят. «Ермак», дав задний ход, резко тормозил, стараясь не войти на затопленный луг и также перекрыть директрису стрельбы для бандитов.

На берегу, куда упиралась пойма реки, столпились верховые и пешие казаки Черняевского округа, часть из которых продолжала стрелять в сторону островов, а часть, в основном пешие, спускались к воде. Над водой разносились матерные конструкции Митяя Широкого.

– Уф-ф, кажется, отбились, – пробасил Барятинский, поднимаясь на ноги и передёргивая затвор винтовки. – С русско-турецкой войны так не веселился.

– Тимофей, поинтересуйтесь у капитана, как будем переправляться на берег, – буквально прошептал генерал-губернатор, с восковым лицом и посиневшими губами.

«Серьёзно дедушку Корфа задели», – подумал я, полностью распрямившись. Стрельба стихла. Я повернулся и, наклонившись, спросил у продолжавшего лежать цесаревича:

– Разрешите выполнять, ваше императорское высочество?

– Иди, выполняй, Тимофей. Только не грози больше Аркадию Зиновьевичу глаз ножом выколоть, – усмехнулся наследник престола.

– Ваше императорское высочество, вы пока не вставайте. Мало ли что. Остров с засадой рядом, – как можно проникновенней попросил я Николая, после чего повернулся в сторону казачат, которые находились на носу.

– Леший, Ус, Чуб, прикрыть государя наследника. Лис, осмотри места, откуда нас смогут огнём достать.

Отдав приказания ребятам и убедившись, что Вовка, Феофан и Устин прикрыли цесаревича, я сделал где-то шесть шагов к трапу на капитанский мостик, когда раздался панический крик Лиса: «Ермак, на два часа дерево, двести шагов!»

Повернув голову направо, сразу зафиксировал взглядом высокое дерево на острове Разбойный, в кроне которого темнело что-то крупное. А потом в том же месте глаза резанула вспышка на солнце.

– Лис, стреляй!!! – заорал, понимая, что с дерева Николай виден как на ладони и не прикрыт казачатами. Я полуобернулся и, увидев, что Николай лежит на том же месте, сделал назад два шага, а потом, как вратарь, прыгающий в девятку за мячом, разрывая мышцы на ногах, толкнул своё тело вверх-вправо, перекрывая возможную траекторию пули.

Время, как всегда в таких ситуациях, замедлилось. Моё тело зависло в верхней точке прыжка, а выстрела всё не было.

«На хрена мне это надо?» – успел подумать я, как тупой и сильный удар в левую сторону груди выбил из меня дух, а потом наступила полная темнота. Как упал на палубу, я уже не почувствовал.

Глава 1

Встреча государя наследника

Двадцать третьего июня тысяча восемьсот девяносто первого года ранним утром к пристани станицы Черняева подходил, дымя черным дымом из единственной трубы, пароход «Вестник» под штандартом цесаревича в сопровождении однотипного конвоир-парохода «Ермак». Через несколько минут на станичную землю должна была ступить нога второго по значимости человека в Российской империи – Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича Романова.

В апреле месяце в станицу пришло предписание из канцелярии генерал-губернатора Приамурья, в котором сообщалось, что в июле тысяча восемьсот девяносто первого года станицу, возможно, посетит цесаревич. В управлении Черняевского округа начались горячие денёчки. Атаман Савин за два месяца похудел килограммов на пять и осунулся лицом.

В начале мая в разговорах о подготовке к встрече цесаревича впервые мелькнула мысль, а не показать ли цесаревичу мою школу и выучку казачат. После этого заболела голова и у меня. Стал готовить программу показательных выступлений в лучших традициях спецназа, а также вылизывать силами

учеников Казачьей школы станицы Черняева дом-казарму и полигон. Вот таким образом обозвали мою школу атаман и станичные старейшины. Как финансировать учёбу, так сами, а как показать цесаревичу, так станичная школа.

Изначально по плану цесаревич должен был прибыть во Владивосток в июне тысяча восемьсот девяносто первого года. Но происшествие в Японии, когда наследник получил по голове саблей от «тронутого» самурая-полицейского, способствовало сокращению японской программы. Утром в субботу одиннадцатого мая тысяча восемьсот девяносто первого года Николай Романов прибыл во Владивосток, где пробыл одиннадцать суток.

Первое, что сделал цесаревич по прибытии во Владик – объявил Всемилоостивейший Его Императорского Величества Александра III Манифест: *«В ознаменование посещения Сибири Любезнейшим Сыном Нашим, Государя Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем, желая явить милость Нашу тем из отбывающих ныне в Сибири наказания, в силу судебных приговоров, ссыльных, кои по день прибытия Его Императорского Высочества в пределы Сибири распределены в установленном порядке, повелеваем: первое – ссыльнокааторжным, которые добрым поведением и прилежанием к труду достойны снисхождения, уменьшить назначенные судом сроки каторги до двух третей, бессрочную каторгу заменить срочною на двадцать лет; второе – осуждённым за преступления, содеянные в*

несовершеннолетнем возрасте, в каторжные работы менее четырех лет, ныне же перечислить в разряд ссыльнопоселенцев...»

Этот манифест уже две недели висел у сборной станичной избы на «доске объявлений», как я про себя называл этот укрытый козырьком от непогоды деревянный щит. Казаки читали и витиевато-матерно излагали своё мнение. Общий смысл звучал: «Послабление царя варнакам к добру не приведёт».

«Казачий телеграф» с опозданием в несколько дней сообщал в станицу о событиях, связанных с нахождением государя наследника на земле Приамурья. Их было очень много, Николай Романов активно участвовал в социально-политической жизни губернаторства.

С моей точки зрения, из всех событий наиболее значимой была закладка станции Владивосток, как начало Великого Сибирского Пути длиной в восемь тысяч километров, который должен был соединить территории Дальнего Востока и сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений Российской империи. Второе – начало строительства сухого дока для ремонта военных кораблей во Владике.

Двадцать четвёртого мая в станицу дошли сведения об огромном успехе представителей молодого Уссурийского казачьего войска. В селе Никольское (будущий город Уссурийск) его высочеству был представлен взвод казачат-уссурийцев в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Строи-

ный и молодцеватый вид этого взвода, проявленная ими лихость в скачках и джигитовке вызвали одобрение Николая. Ещё позже стало известно, что цесаревич благодарил командира казачьего дивизиона полковника Глена: *«Благодарю вас, полковник, казачата представились молодцами, телеграфировал о них отдельно государю императору, благодарю ещё раз»*. Также цесаревич упомянул, что *«среди уссурийских казаков чувствует себя как дома»*.

Данное известие привело к тому, что атаман Савин и старейшины окончательно решили, что казачья школа станицы Черняева будет представлена цесаревичу. «Необходимо, чтобы и среди амурских казаков государя наследник чувствовал себя как дома», – озвучили итог своего решения старейшины.

Для меня и казачат начался настоящий ад. С полигона мы не вылезали с рассвета и до заката. Хорошо хоть, на наше питание из станичной казны средства выделили. И, слава богу, из контролирующих лиц был один вахмистр Шохирев, который никуда не лез, а лишь смотрел и, как говорится, мотал информацию на ус.

Ещё хорошей новостью была информация о том, что в Благовещенске на скачках первоочередного дивизиона Амурского полка, которые прошли после парада в присутствии наследника, их победителем оказался Василий Чуев. Именно он ещё в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году во время состязаний казаков-малолеток показал лучшую

джигитовку, а теперь служил первый год в Амурском конном полку.

Сегодня весь подготовительный ад ко встрече цесаревича закончился, и я, возглавляя двухшереножный конный строй казачат школы, сидя на любимом Беркуте, ждал встречи с Николаем Романовым.

Пароходы подходили к построенной для встречи наследника государя пристани. В позапрошлом году, после сдачи испытаний на зрелость в Благовещенской гимназии, я возвращался в станицу на барже, которую тянул пароход «Ермак». Во время этого плавания убедился, что этот деревянный пароход с гребным колесом в корме имеет низкую осадку и способен подходить к самому берегу. Но руководство Черняевского округа решило перестраховаться и построило деревянную пристань.

На берегу, рядом с построенной для встречи будущего императора аркой собралось больше пятисот человек. Кроме жителей Черняева, приехали делегаты из станиц Толбузина, Ольгино, Кузнецова, со всех выселок и заимок, входящих в Черняевский округ. Все в нарядных одеждах. На конях два десятка моих казачат да десяток лучших казаков-наездников, отобранных со всего округа. Все остальные пешие.

«Вестник» и «Ермак» аккуратно притерлись к причалу у станицы. После небольшой паузы на доски причала по переброшенному с парохода трапу вышел цесаревич, а за ним по «табелю о рангах» стала выстраиваться свита. Поскольку од-

нотипные пароходы имели по десять кают, то в относительно-ном комфорте первого класса на них могли разместиться человек двадцать, поэтому свита была небольшой.

Сидя на Беркуте, я смотрел, как к атаману Савину, стоящему с хлебом-солью на цветном рушнике, покрывающем поднос, неторопливым шагом подходил худощавый молодой мужчина с усами, но без запомнившейся мне по тому миру бородки. Одет цесаревич был в белый френч с золотыми погонами с царским вензелем, белую фуражку, темно-синие брюки-галифе, заправленные в сапоги. Подойдя к склонившемуся в поклоне атаману, Николай, сняв фуражку, перекрестился, затем отломил кусок хлеба и, макнув его в соль, отправил в рот.

За цесаревичем к караваю подошёл приамурский генерал-губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа, а также наказной атаман Приамурских казачьих войск генерал-адъютант Корф. Сверкая золотыми адъютантскими погонами и аксельбантами, Корф также снял белую фуражку, перекрестился и, разгладив свою знаменитую бороду-бакенбарды на две стороны, вкусил хлеб-соль. После чего, надев фуражку, забрал у атамана поднос с хлеб-солью и передал назад кому-то из свитских. В этот момент раздался приветственный рёв собравшихся на берегу казаков и казачек.

Я, глядя на эту картину, судорожно прогонял в голове те сведения, которые мне были известны о будущем царе Ни-

колае Втором и пытался определиться в своём отношении к нему, а также пытался понять, стоит или не стоит делиться с ним информацией из будущего.

Приветственно кивая, цесаревич в сопровождении свиты и окружившей его толпы прошёл через арку, увитую зелёными лентами. Приблизившись к нашему конному строю, который стоял отдельно за встречающими и за аркой, он отделился от свиты. Не дожидаясь, пока он подойдёт, я дал казакам команду: «Слезай». А когда мои орлы застыли с левой стороны своих коников, подал команду: «Смирно-о-о!» Докладывать к цесаревичу не вышел, так как мне такого указания не было, а всё руководство станицы вертелось рядом с будущим императором.

Николай в одиночку пошел вдоль первой шеренги, останавливаясь перед каждым казачком, внимательно его разглядывая. Строй казачат, кажется, перестал дышать. Скопив влево взгляд, я увидел, как старшаки и мальки, перед которыми останавливался цесаревич, как будто вырастали на пару-тройку сантиметров. Начав с левого фланга, через некоторое время наследник российского престола дошёл до моего места в строю. Внимательно осмотрев спокойным взглядом меня с ног до головы, таким же спокойно-скучающим голосом произнёс:

– Так вот ты какой, Тимофей Аленин. И что ты и твои ученики могут мне показать?

– Ваше императорское высочество, – оторопев от такого

начала, я попытался, не дрогнув голосом, доложить, — в двух верстах от станицы находится Казачья школа станицы Черныяева, в которой воинскому делу обучается двадцать казачат в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. На территории школы есть полоса препятствий, спортивный городок и оборудованное стрельбище. На этой базе учащиеся школы могут показать вам свои умения и навыки. Рискну предположить, что такого вы не видели ни в одной из станиц, которые уже посетили.

В этот момент к строю подошла свита цесаревича, а генерал-губернатор Корф, услышав конец моего доклада, поинтересовался:

— Ваше императорское высочество, о каком показе умений и навыков рассказывал вам этот молодой казак?

— Уважаемый Андрей Николаевич, — наследник трона, чуть развернувшись, взял генерал-губернатора Приамурья под локоть. — Вы слышали конец доклада от очень известного на Амуре молодого казака, о котором мне все уши прожужжали князь Ухтомский и начальник моего Конвоя атаманцев есаул Вершинин.

— И чем же он известен?

— Об этом лучше слышать из уст князя. — Николай повернулся к свите. — Эспер Эсперович, подойдите к нам, пожалуйста. Перед нами тот самый молодой казак Аленин стоит, о котором вы так много мне рассказывали и, кажется, собираетесь о нём даже в книге о нашем путешествии упомянуть.

От свиты отделился и направился к будущему императору мужчина лет тридцати, среднего роста, с ухоженными усами и бородой, единственный в свите одетый в гражданский фрак, рубашку, жилет, брюки и ботинки. Подойдя к цесаревичу и генерал-губернатору, мужчина поинтересовался:

– Вы звали меня, ваше высочество?

– Звал, Эспер Эсперович. Вот, ваше сиятельство, полюбуйтесь, – Николай указал на меня правой рукой, как Ленин с броневика. – Это Тимофей Аленин! Прошу любить и жаловать!

– Эспер Эсперович, чем же знаменит сей казачок? Проясните! – В разговор вмешался генерал-губернатор Корф.

– Ваше превосходительство, как только наша экспедиция вступила на землю Приамурья, а особенно после посещения Благовещенска, при общении с местными жителями я стал часто слышать о молодом казаке Аленине из станицы Черныяева. При этом повествуют о нём, как о былинном герое. Какие подвиги ему приписывают, спросите вы?! Первый. В четырнадцать лет, будучи раненым, в одиночку уничтожил двадцать одного китайского бандита. Второй. Как очень меткий стрелок, из винтовки на мишени может нарисовать буквы. Третий. Уничтожил с десятком молодых казачат огромную банду самого Золотого Лю, отобрав у него золото.

– Подождите, ваше сиятельство, – генерал-губернатор жестом руки также попросил князя остановить речь. – Получается, это ты нашёл тела барона с баронессой Колокольцевых

и их дочери?

Корф уставился на меня немигающим взглядом, и мне показалось, что в его зрачках начал полыхать огонь.

– Так точно, ваше превосходительство. Извините, но мы не знали, что может произойти такая трагедия. У нас был обычный учебный выход. О том, что ваши родственники и их сопровождение идут по тропе от Зейской пристани нам навстречу, мы не знали, поэтому и не смогли помочь.

– А что можешь сказать о Золотом Лю?

– Ваше превосходительство, я не знаю, откуда взялись такие слухи. Банду Золотого Лю уничтожила Албазинская сотня под командованием ротмистра, точнее подполковника Печёнкина.

– Ври, ври, да не завирайся, – генерал-губернатор разгладил рукой свою шикарную двойную бороду-бакенбарды. – Я всё-таки генерал-губернатор Приамурья. Неужели, сопляк, думаешь, что меня какой-то ротмистр смог обмануть?! Знаю я, как всё было на самом деле. Доложили те, кому положено. Но не всё! Твоей фамилии не звучало в докладе.

Корф посмотрел на цесаревича Николая и, как бы спросив разрешения, вышел перед строем казачат.

– Полюбуйтесь, ваше императорское высочество, вся первая шеренга на отличных ухоженных конях, в новенькой форме, портупей неизвестной конструкции, но смотрятся красиво. Таких ладных казаков строевого разряда не всегда увидишь! Как я понял, все из первой шеренги участвовали в

бою с бандой Золотого Лю?! Взгляд дерзкий и смелый. Орлы!

Генерал-губернатор сделал паузу.

– Кто нашёл мою племянницу?

Строй казачат, который застыл монолитом вместе с конями, перестал дышать. Сложилось впечатление, что и кони превратились в статуи.

– Я, ваше превосходительство, – ответил Владимир Лесков с позывным Леший и вытянулся, будто аршин проглотил.

Корф подошёл к Лешему. Достав из бокового кармана мундира часы, сверкнувшие на солнце золотом, генерал-губернатор, взяв правую руку Вовки, вложил часы в ладонь молодого казака.

– Спасибо тебе, казак, если бы не ты, и косточек бы не осталось моих кровиночек Лизаньки и внучки Настеньки для похорон!

Губернатор Приамурья снял фуражку и перекрестился.

– И всем остальным выражаю свою благодарность! – произнёс генерал-губернатор, надев фуражку и отдав честь.

– Рады стараться, ваше превосходительство!!! – рявкнул строй учеников школы.

«Не одну неделю тренировались», – подумал я.

– Что же, если с этим вопросом разобрались, надо как-то выдвигаться на учебную базу. Я правильно, Тимофей, назвал место обучения? – перевел на себя внимание цесаревич. – Князь Кочубей, организуйте нашу доставку к школе.

Эти слова были обращены к высокому, худощавому ротмистру в форме Кавалергардского Ее Величества полка. Услышав Николая, ротмистр, коротко кивнув, взял под локотки атамана Савина с протоиереем Ташлыковым и вывел их в сторону от окружившей Николая свиты.

«Вот и решился вопрос о том, что захочет посмотреть государя наследник», – подумал я про себя.

Цесаревич Николай, отметив, что опять завладел всеобщим вниманием, обратился к князю Ухтомскому:

– Эспер Эсперович, закончите повествование о героических свершениях казака Аленина. Эта информация с каждым новым его подвигом становится всё интереснее и интереснее.

Князь Ухтомский, склонив в вежливом поклоне голову, продолжил:

– Итак, господа, я остановился на разгроме банды Золотого Лю и получении в качестве трофеев золота. В среде казаков ходят ещё страшилки в виде отрезанных голов и ушей бандитов, якобы представленных в качестве доказательства разгрома банды.

– Не совсем страшилки, ваше сиятельство, – прервал князя генерал-губернатор. – В мою канцелярию действительно доставили для опознания голову Лю Ханьцзы по прозвищу Золотой Лю. Голова неплохо сохранилась, и Лю был опознан. Про уши также что-то говорили, но утверждать не буду. Не вникал в эту тему глубоко.

– Боже мой, какая мерзость и дикость! – цесаревич передёрнул плечами. – Варварство какое-то! Но продолжайте, князь.

– Хорошо. Продолжаю. Следующий подвиг казака Аленина – это уничтожение огромной стаи красных волков, которая напала на обоз с товаром торгового дома «Чурин и К^о».

Князь Ухтомский потёр рукой лоб, как бы сосредотачиваясь и что-то вспоминая.

– Если проанализировать все слухи об этой эпической битве, то можно сделать следующие краткие выводы. Первое. Непонятно за какие заслуги Чурин нанял в охрану молодых казачат, а не опытных казаков. Второе. Несмотря на свою молодость, они уничтожили огромную стаю волков, чуть ли не в сто голов. Третье. Потерь среди людей в обозе не было. Четвертое. Красные волки казачат не трогали, потому что те заветное слово знают. И последнее. Аленин убил вожака и большую часть волчьей стаи, спас обозного старшину, а ещё вылечил от бешенства и антонова огня казака, которого искусал волк.

– А можно узнать – сколько реально было волков? – задал вопрос штабс-ротмистр в форме лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка.

– Отвечайте, Аленин. Свита ждёт! – усмехаясь, попросил или приказал Николай.

– Шестьдесят один волк. Из них нашим охранным десятком было убито сорок один. Остальных уничтожили обоз-

ники. Лично пристрелил четверых. Вожак был убит мною, и волк, который запрыгнул на плечи старшине обоза и попытался перегрызть ему шею. У казака бешенства и заражения крови не было. Я прочистил ему от гноя места укусов и наложил повязку. Такого нагноения не было бы, если бы укушенный давал ежедневно себя перевязывать или менял повязку сам. За трое суток тот перевязок не делал, из-за чего началось сильное воспаление. Заветное слово от красных волков – это народная сказка.

– Чётко, кратко, ёмко! Молодец казак! – Эти слова произнёс суровый генерал-майор Свиты Его Величества с огромной бородой и золотым оружием «За храбрость». – Шестьдесят волков – это много. А если они ещё и атакуют тебя, то страшно. Не допустить потерь – достойно.

– Владимир Анатольевич, давайте дальше князя Ухтомского послушаем. Насколько я помню его предварительные рассказы, мы еще не всё слышали о геройстве Тимофея, – прервал генерал-майора цесаревич.

– Что ещё можно рассказать? – князь снова потёр лоб. – Автор песен «Казачья», «Есаул», «Кавалергардская», «Русское поле» и «Любовь казачки». Год назад единственным из экстернатов сдал восьмым в потоке по результатам испытания на зрелость в шестиклассной Благовещенской мужской гимназии. Подготовился самостоятельно. Как уже успел уточнить здесь у батюшки Александра, Тимофей закончил только два класса при местной церкви. Создал свою шко-

ду по подготовке молодых казачат. Результаты деятельности учащихся этой школы вы уже слышали. Пожалуй, всё!

В разговоре возникла пауза, которую прервал генерал-майор Свиты Его Величества:

– Действительно, былинный герой. И когда только успел столько дел сотворить? Лет-то тебе сколько, казак?

– Семнадцать, ваше превосходительство. А все перечисленные события произошли за последние три года.

– Выглядишь значительно старше.

В этот момент к цесаревичу быстрым шагом подошёл князь Кочубей.

– Ваше императорское высочество, через десять минут сюда будут доставлены оседланные кони, а также двуконная коляска и два тарантаса.

– Отлично! – Николай, приняв доклад князя, обратился ко мне: – А тебе, Тимофей Аленин, сколько времени надо для организации показа?

– Через десять минут в полевой форме и с оружием отряд будет стоять на окраине станицы для выдвижения к учебной базе в Ермаковскую падь. Показ умений и навыков будет начат сразу при прибытии. Разрешите дать команду?

– Разрешаю, – будущий император вяло махнул мне рукой и повернулся к свите.

Я же, повернув голову налево, громко скомандовал: «Садись!»

Казачата обеих шеренг слажено и синхронно, как робо-

ты-автоматы, перебросили поводья на холки коней, затем, не касаясь стремян, почти одновременно взлетели в сёдла. Я, оказавшись в седле, выехал из строя на корпус вперёд и, повернувшись к строю, громко и чётко скомандовал: «Смирно! Через десять минут все в полевой форме, с походным снаряжением и с оружием стоим конными в двухшереножном строю у начала тропы в Ермаковскую падь. Вопросы есть?»

Дождавшись дружного ответа от казачат: «Никак нет», скомандовал: «Направо – марш!!!»

Мои ребята по команде развернули коней направо, после чего отряд в две колонны шагом направился от пристани в сторону станицы. Дождавшись прохождения отряда, я, развернув коня, пристроился замыкающим. Моё снаряжение было на хуторе, но, вспомнив мудрую армейскую мысль «подалее от начальства, поближе к кухне», решил не рисковать и направился к месту сбора отряда. Что может ещё прийти в голову наследнику российского престола, неизвестно. Лучше держаться в отдалении.

«Так что бережёного бог бережёт», – подумал я, направляя коня следом за ребятами.

Между тем казачата, отъехав от свиты и толпы встречающих метров на тридцать, вернее всего, по команде Ромки Селевёрстова, с гиканьем и свистом рассыпались в разные стороны. Каждый из мальчишек широким налётом полетел к своему двору переодеваться и вооружаться.

Через десять минут два десятка казачат в полной боевой

выкладке и с тревожным набором в перемётных сумках стояли в строю у начала тропы-дороги в сторону Ермаковского хутора. Увидев, что в начале улицы появилась двуконная коляска, в которой белым пятном кителя и фуражки выделялся цесаревич, я дал команду на выдвижение и возглавил строй.

Когда нашу колонну догнала коляска с цесаревичем, дал команду запевать песню. Ребята на два голоса задорно грянули «Казачью». После её окончания из конца колонны сопровождения наследника звонкие женские голоса затянули «Каким ты был...». Оглянувшись назад, я чуть съехал с тропы и увидел, что за цесаревичем и его свитой тянется целый поезд из верховых, телег, тарантасов, на которых ехали встречавшие наследника государя казаки и казачки Черняевского округа.

Казачата без моей команды запели «Есаула». Когда они смолкли, казачки запели «Терскую лезгинку», мои за ними затянули «Скакал казак через долину...». Две версты под песни пролетели быстро. Впереди показался хутор, а у меня в голове возник серьёзный вопрос: «Где я всех размещу?» На хутор решил не заезжать. Если цесаревич захочет посмотреть дом-казарму, заедем на обратном пути. Сейчас же если остановиться перед хутором, то образуется затор.

«Не на том заиклился, – подумал я. – Впереди полигон и показуха. Лишь бы всё прокатило. А то меня атаман Савин и старейшины съедят без лука, как капитана Кука».

Глава 2

Показуха на полигоне

Проехав до полигона, дал команду Лису построить отряд перед полосой препятствий. Сам с тройкой Тура стал руководить размещением на полигоне свиты и приехавших казаков и казачек Черняевского округа, которых прикатило подвести человек. Когда закончили эту суматоху и подъехали к отряду, перед ним уже спиной к строю, а лицом к полосе препятствий стоял цесаревич с генерал-губернатором Корфом и генерал-майором Свиты Его Величества, который являлся, как успел выяснить, князем Барятинским – начальником императорской охоты, обер-егермейстером Высочайшего двора и другом императора Александра III. Также рядом с государя наследником стоял контр-адмирал Басаргин. За этой четвёркой стояли флигель-адъютант его величества князь Оболенский, князь Кочубей, штабс-ротмистр Волков, князь Ухтомский, а также доктор фон Рамбах и художник Гриценко – лица, лично избранные императором для неотлучного сопровождения его императорского высочества в путешествии. Там же стояла пятёрка атаманцев конвоя-охраны. Старшим среди сопровождения наследника был князь Барятинский.

Эту информацию о главных представителях свиты цеса-

ревича я успел узнать от есаула Вершинина. Этот казачина размером больше Митяя Широкого, с внешним видом истинного арийца, только с бородой, отвечал за безопасность наследника. За десять минут, что я ждал казачат на месте сбора, есаул успел мне разъяснить ху из ху в свите, а также что мы можем, а что не можем делать на полигоне в присутствии наследника государя.

Спрыгнув с Беркута и кинув повод Ромке, я направился к цесаревичу и окружающей его свите. Обернувшийся штаб-ротмистр Волков увидел меня и, сделав шаг к наследнику, что-то сказал ему. Николай развернулся и сделал приглашающий жест. Свита расступилась, и я подошёл к наследнику престола.

– Объясните, Тимофей, что это за сооружения и для чего они нужны? – спросил меня Николай Романов, когда я встал рядом с ним.

– Ваше императорское высочество, мы называем эти сооружения полосой препятствий, которые могут встретиться в бою. При их прохождении у казачат вырабатываются: сила, выносливость, ловкость и быстрота реакции. Также приобретаются навыки и умения для боя в пешем порядке.

– Тимофей, но казаки в основе своей предназначены для конного боя. Зачем все это? Вы же относитесь ко Второй Черняевской сотне Амурского конного полка, а не к пешему батальону и пешим казачьим ротам? – поинтересовался генерал-губернатор Корф.

– Ваше превосходительство, слушая рассказы старейшин и станичников, которые участвовали в боях на Амуре, сделал для себя выводы, что конных боёв практически не было. В горах, сопках, в лесу или на заболоченных равнинах конным не повоюешь. Когда готовился к сдаче испытаний на зрелость в гимназии, специально изучал рельеф Приамурья. Анализ показал, что около пятидесяти процентов площади губернаторства занимают горы и возвышенности, покрытые лесом, двадцать процентов – тайга, и около тридцати процентов – равнины, большая часть из которых заболочены и залиты водой. Только на Зейско-Буреинской равнине, которую называют Амурскими прериями, встречаются участки поверхности, где можно вести конные бои, и они составляют не больше десяти – пятнадцати процентов рельефа Приамурья. – Я замолчал, переводя дыхание.

– Продолжайте, Тимофей. Очень интересно! – поторопил меня князь Барятинский, посмотрев на меня заинтересованным и внимательным взглядом.

– Из проведенного анализа пришёл к выводу, что местность, изрезанная глубокими распадками и марями, горами и высокими сопками, непроходимой тайгой и затопленными равнинами, не позволяет использовать в полную силу коня. Как следствие, в большинстве случаев вести возможные боевые действия мне придётся во время службы в Амурском полку в пешем порядке. Поэтому я подумал, что было бы неплохо соединить стандартное обучение конного казака и

пластуна. Мне дед много рассказывал о кубанских пластунах и о том, как они воевали в Крымскую войну, об их хитростях и военных ухватках.

– Интересный и оригинальный вывод. Продолжайте, Тимофей, – прервав меня, бросил реплику князь Барятинский.

– Потом мне в руки попался журнал «Русский вестник» за тысяча восемьсот шестьдесят седьмой год, в котором была статья генерал-майора Фадеева. В данной статье его превосходительство рекомендовал формировать отборные батальоны пластунов из охотников. По его мнению, метко стрелять можно научить любого рекрута, но нельзя научить бесшумному передвижению по местности, умению долго и неподвижно сидеть в засаде, а потом сделать только один меткий выстрел или незаметно подкрасться для этого выстрела, запоминать каждую тропинку на местности и уверенно на ней ориентироваться.

Я перевёл дыхание и сделал глубокий вздох.

«Боже мой, я спокойно разговариваю с будущим императором российским, с князем и личным другом Александра III, который имеет второй классный чин в табеле о рангах, и с генерал-губернатором – царём и богом этих мест, – мысль во время паузы молнией пролетела в моей голове. – В той жизни так высоко не залетал! Надо за языком следить!»

– Если посмотреть на амурских и уссурийских казаков, то большинство этим требованиям отвечают, так как охота

– основной казачий промысел, приносящий достаток в этих местах, – продолжил я.

– Поясни, Тимофей, – вид у Николая уже не был скучающе-благодарным. В его взгляде я увидел интерес к тому, что я рассказывал.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество. Этой весной в станицу приезжали чиновники из канцелярии генерал-губернатора для переписи населения Черняевского округа и анализа его хозяйственной деятельности. Меня атаман Савин привлекал как дополнительного писаря для оформления отчетных документов. Картина получилась следующая: в восьми станицах и хуторах округа сто тридцать четыре двора, в которых проживает восемьсот четырнадцать жителей, из них четыреста тридцать восемь мужского пола. Кроме одиннадцати мещан, все казаки, приписанные к Амурскому конному полку. В рабочем возрасте сто девяносто мужчин и сто пятьдесят девять женщин. На двор в среднем приходится шесть душ обоего пола и одна целая четыре десятых работника. На службу в Амурском конном полку по строевому и запасному разряду записано сто пятнадцать казаков. Отведенных земель округу четыре тысячи сто десятин, из которых сто тридцать десятин занято усадьбами и выгоном, тысяча семьдесят десятин покосами, семьсот пятьдесят десятин пашнями. Из пахотной земли состоит под посевами в этом году только четыреста двадцать десятин. Остальные – лес. Посевы и огороды дают только пропитание

и немного выращенного на продажу. Поэтому основной заработок казаков Черняевского округа составляют охотничьи трофеи.

– Могу подтвердить, ваше императорское высочество, – Корф вклинился в мой доклад уверенным голосом. – По представленной мне из канцелярии статистике – по земельному довольству Черняевский округ находится в самых невыгодных условиях в губернаторстве, без сомнения, вследствие неимения удобных для земледелия земель в соседстве Амура.

– И что же даёт, по твоему мнению, Тимофей, для становления воина охотничий уклон в хозяйстве казаков Черняевского округа? – поинтересовался цесаревич.

– Я думаю, определённые навыки, которые можно будет потом применить в пешем бою. Для выслеживания разведки или мелких групп противника – это опыт следопыта. В нашем отряде лучший следопыт – Лесков Владимир, которому его превосходительство генерал-губернатор часы вручил. Он с шести лет с отцом на охоту ходит. Любой след читает.

– Да... Хм-м... – горестно вздохнул генерал-адъютант Корф.

– Охота на крупного хищника, например, тигра или медведя, – продолжил я, – требует не только внимательности, но смелости и решительности. Это сказывается на формировании твёрдого характера, а также меткости. Неудачный выстрел может стоить очень дорого, включая и самой жиз-

ни. Мой дядька Тимофей погиб на охоте. Его тигр задрал. Иногда во время охоты приходится стрелять на бегу, подчас не целясь, навскидку. Данный навык чрезвычайно нужен и в боевых условиях. Таким образом, охота формирует особые качества, сродни тем, что присущи пластунам – качества пешего разведчика, быстрого и эффективного, сильного и меткого в ближнем пешем бою.

Я замолчал и посмотрел на цесаревича.

– Что скажете? – Николай поочередно посмотрел на Корфа, Барятинского и Басаргина.

– При первом рассмотрении, ничего нового для требований к воинским умениям казаков пеших батальонов Амурского, Уссурийского и любого другого казачьего войска, – начал генерал-губернатор Корф. – Но выкладка о том, что только десять – пятнадцать процентов земель Приамурья пригодно для ведения конных боевых действий заставляет задуматься. Дам команду офицерам Генерального штаба из моего Приамурского военного округа проанализировать эту информацию.

– А мне интересна мысль объединить навыки и умения ведения боевых действий конных казаков и пластунов, – произнёс князь Барятинский. – Может получится оригинальный вид войск – казачьи драгуны.

Князь задорно рассмеялся, из-за чего его борода заколыхалась на груди.

– Считаю, что мы заговорились, – подытожил цесаревич. –

Пора посмотреть на полосу препятствий в действии. Что мы увидим, Тимофей?

– Ваше императорское высочество, старший десяток обучен проходить полосу препятствий с винтовками и снаряжением, младший – без оружия, но со снаряжением небольшого веса. Полосу проходят парами, соревнуясь друг с другом. По окончании полосы препятствий вооружённые казачата выходят на линию огня стрельбища, оборудованного в овраге. Мишени изготовлены из чурбаков, поставленных друг на друга и падающих при попадании. Поэтому махальные не предусмотрены. Огонь казачата открывают самостоятельно при выходе на линию. По окончании стрельбы, проходящая полосу пара возвращается бегом на место старта.

– Ваше императорское высочество, я против стрельб с нарушением требований Наставления восемьдесят четвертого года, – вмешался в разговор командир конвоя есаул Вершинин.

В синем мундире лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, высокой черной барашковой шапке с султаном из белых перьев, с витыми погонами есаул со своими мощными габаритами выглядел на фоне цесаревича весьма внушительно.

– Алексей Львович, увольте меня от своей мелочной опеки, – раздражённым голосом произнёс цесаревич. – В Индии во время охоты на гепарда вы меня чуть до нервного срыва не довели. Что мне здесь-то может грозить, скажите?!

Цесаревич побледнел, на скулах заиграли желваки. Было видно, что он с трудом сдерживает гнев.

«Бедный есаул, – подумал я. – Быть телохранителем у первых лиц государства – это жуть. Проще убица аб стену или выпить йаду».

– Всё, есаул Вершинин, я ваше мнение принял к сведению, но смотреть прохождение препятствий будем со стрельбами, – цесаревич говорил, будто бы заколачивая каждое слов. – Аленин, начинайте показ!

– Слушаюсь, ваше императорское высочество! – Я принял самую молодцеватую свою стойку «смирно». – Сколько пар запускать?

– А что ты планировал нам показать? – вопросом на вопрос ответил наследник.

– Прохождение полосы препятствий двумя-тремя парами. Показ всем отрядом комплекса боевых приёмов и ударов кинжалом, шашкой, а также кинжалом и шашкой одновременно. После этого отряд, разбившись на пары, покажет условные бои один на один с оружием и без него. Небольшие сценки по захвату языка. Снятие часового. Выучку коней для пешего боя. На десерт конная рубка лозы младшим десятком.

– Отменно подготовились! – Бярятинский, положив левую ладонь на эфес золотого георгиевского оружия, правой рукой достал из кармана мундира платок и вытер вспотевший лоб. – Такой программы для встречи гостей я и в военных

училищах не видел, не говоря уж о юнкерских. Начинайте, Тимофей, а то солнце припекать начало.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство. – Я чуть переступил с ноги на ногу, ещё больше вытягиваясь во фронт.

– Ваше императорское высочество, вам со свитой лучше пройти вперёд и вправо шагов шестьдесят. Вон туда, к началу ограждения стрельбища, – я вытянутой рукой показал направление движения и конечную точку перемещения. – С того места вам будет хорошо видно и прохождение полосы препятствий, и стрельбу. А есаул Вершинин может направить двух атаманцев на линию огня, для контроля стрельбы учениками казачьей школы.

– Хорошо, Тимофей. Пойдёмте, господа.

Цесаревич двинулся к указанному мною месту. За ним потянулась свита. Проходящий мимо меня есаул Вершинин сверкнул из-под бровей голубыми глазами и благодарно кивнул.

Я вернулся к застывшему строю отряда и дал команду: «Слезай». Казачата спешились и, застыв, вопросительно уставились на меня.

– Лис, Тур, Леший, Шило, Сава и Сыч, вы парами идёте по полосе. Следующая пара стартует, досчитав до ста пятидесяти. Не торопитесь. Основная задача – пройти препятствия чисто, без срывов и падений. Кто промажет по мишени – тому дополнительно четыре часа занятий на прицельном

станке! Стреляйте по ближним чурбакам на двести шагов. В дальние чурбаки на триста шагов разрешаю стрелять только Туру и Лешему. Всё понятно?

Дождавшись ответных кивков шести казачат, я продолжил:

– Дан, с остальными вон там, – я указал на незанятую на-
родом площадку метрах в двадцати от начала полосы, – из
лошадей составите «вагенбург», а то нашу коновязь заняли.
Потом в две шеренги строитесь на линии старта «тропы раз-
ведчика». Всё! Время! Разойдись!

Отдав команду, пошёл к атаману Савину, старейшинам и
видным казакам округа, которые небольшой кучкой стояли
метрах в десяти от нашего строя. Краем глаза, отдавая ко-
манды казачатам, видел, как Савин старался незаметно для
цесаревича и свиты подозвать меня к себе.

– Господин атаман? – обратился я к Савину, подходя к
казакам.

– Что там, Тимофей? Что государя наследник говорит? Не
томи! – атаман, тяжело вздохнув, снял фуражку и вытер ру-
кавом пот со лба.

– Всё хорошо, Иван Митрофанович. Его императорское
высочество дал согласие посмотреть все наши выступления.

– Хорошо ему. Мы тут все извелись, а он спокойно с са-
мым государя наследником разговаривает да с генералами.
Я слова все забыл, которые неделю учил, когда цесаревичу
хлеб-соль вручал, а он десять минут чего-то рассказывал! –

Атаман повторно вытер пот со лба. – А кто второй-то генерал в свите да контр-адмирал? Генерал-губернатора Корфа мы знаем.

– Его высокопревосходительство генерал-майор Свиты Его Величества князь Барятинский – начальник императорской охоты, обер-егермейстер Высочайшего двора и личный друг императора Александра III. Он старший в свите цесаревича.

– Ох, боже ты мой, – испуганно выдохнул дед Митрофан Савин.

– А морской генерал – это контр-адмирал Басаргин. Стоит в Свите Его Императорского Высочества флаг-капитаном. Был флагманом отдельного отряда кораблей, на которых цесаревич совершил плавание от Триеста до Владивостока.

– Господи, начальство-то какое, – тяжело вздохнул старый Феофан Подшивалов.

– Ты это! Не подведи, Тимофей! За честь станицы и округа отвечаешь! – дед Давыд Шохирев в волнении теребил правой рукой свою роскошную бороду. – А то пошли на поводу у Митяя Широкого с твоей показухой. А вдруг наследнику не понравится?

Вперёд выдвинулся вахмистр Ширяев, раздвигая казаков своими широченными плечами.

– Господа казаки, обсуждали же всё на сходе. Поверьте, всё будет хорошо. Что видел наследник государя в дру-

гих станицах, кроме Никольской? Встретили с хлебом-солью, лучшие наездники показали джигитовку. Вручили подарок наследнику, получили отдарки. И всё! А тут – целая казачья школа станицы Черняева. А чему казачат в ней учат – сейчас увидите. Я когда эту показуху, как это Тимофей называет, полностью увидел неделю назад, то обалдел. Такого точно нигде не увидишь. Так что всё будет лепо. Наследнику государя точно понравится!

– Дай бог, дай бог! – атаман Савин перекрестился, а за ним дружно перекрестились все казаки. – Беги, Тимофей, казачата уже построились.

Я развернулся и побежал к своим, но был остановлен окриком одного из атаманцев, который взмахом руки показал мне, что меня ждёт цесаревич. Развернувшись, побежал к наследнику.

– Что-то мы заждались, Тимофей. Давай начинай! – цесаревич приветливо махнул рукой, показывая, чтобы я встал рядом с ним.

Я развернулся и, увидев, что Ромка Селевёрстов смотрит на меня, дал ему команды выученными в отряде жестами спецназа: «Двое» и «Вперёд». После этого подошёл и встал рядом с наследником.

– Что ты сделал, Тимофей, когда поднял руку вверх и показал пальцами «виктория – победа», а потом этой же рукой махнул вниз? – спросил меня цесаревич.

– Ваше императорское высочество, в бою, особенно в за-

саде, не всегда можно общаться голосом. Вот мы и придумали язык жестов. Я же подал команды: «Двое» и «Вперёд».

– Интересно, и сколько команд в языке жестов вашего отряда? – поинтересовался наследник.

– Тридцать основных. И комбинации из них, – ответил я.

– Действительно интересно, – задумчиво произнёс князь Барятинский.

Между тем Лис и Тур, получив команду, вышли на старт и спрыгнули в траншею. Остановились на секунду, а потом, выпрыгнув из неё, побежали через участок с воронками. В траншею спрыгнули Леший и Шило.

Первая пара прошла участок воронок, затем песка и болота с пнями и добежала до рва глубиной в косую сажень с земляным валом. Прыжок в ров, внизу Лис, подсаживаемый Туром, прыгнул вверх и зацепился за конец пенькового каната, который находился на высоте двух метров от дна рва. Быстро перебирая руками, выбрался на вал. Перебросив из-за плеча винтовку, держась за ствол и ремень винтовки, Лис опустил её прикладом вниз. Ждущий внизу Тур ухватился за приклад и с помощью Ромки быстро выбрался наверх.

– Эх как?! Ловко! – нарушив стоящую в свите тишину, воскликнул князь Кочубей.

Завал из деревьев в десять метров, оплетенных верёвкой, был следующей преградой, которую Антип Верхотуров и Ромка Селевёрстов быстро преодолели. Подбежав к канаве с водой шириной четыре метра и глубиной до метра, Лис

и Тур прыжком перенеслись через неё при помощи шестов, подвешенных над канавой на перекладине.

– Чисто обезьяны, – усмехнулся в бороду князь Барятинский.

Тур и Лис, преодолев канаву, упали и стали преодолевать ползком участок в двадцать метров под верёвками на кольях, натянутыми на высоте около сорока сантиметров.

– Точно – пластуны! – снова пробасил князь Барятинский.

Первая пара, преодолев ползком препятствие, поднялись и побежали по перекинутым брёвнам через ров глубиной два метра с водой на дне и шириной метров шесть. Потом был участок длиной в десять метров с малозаметными силками и спотыкачами.

Дальше деревянные стенки, имитирующие дзоты с амбраурами различных размеров. Тур и Лис, подхватив с земли по солидному голышу, заменяющим гранаты, запустили ими в имитацию.

– А это что за препятствие? И зачем твои ученики камни бросали? – поинтересовался цесаревич Николай.

– Ваше императорское высочество, на этом препятствии ученики школы учатся бросать трехфунтовые гранаты, попадая в цель.

– Ещё и гранадёры! – усмехаясь, пророкотал Барятинский.

Тур и Лис на следующем препятствии спрыгнули в траншею, из которой два хода сообщения вели к чучелам для сня-

тия часового. Достав кинжалы, они резко приблизились к чучелам из бревен, обвязанных канатами, и нанесли удары.

– Я понял, что казачата сняли часовых, но почему чучела в ямах? – спросил генерал-губернатор Корф.

«Вот об этом я не подумал. До окопных войн ещё больше десяти лет», – пролетела в моей голове мысль.

– Чтобы труднее было подбираться, – ответил я первое, что пришло на ум.

– А реально ученикам школы приходилось снимать часовых? – поинтересовался Корф.

– Так точно, ваше превосходительство. При нападении на лагерь Золотого Лю я и Селевёрстов Роман, один из проходящих полосу препятствий в первой паре, сняли по часовому кинжалами, – ответил я.

– Это было чуть меньше двух лет назад. Сколько же вам было лет? – продолжил блиц-допрос генерал-губернатор.

– Мне было почти шестнадцать, Селевёрстову четырнадцать. Большинству казачат из старшей группы тринадцать.

– Таких подробностей о возрасте казачат, уничтоживших банду Золотого Лю, мне не докладывали. Я думал, что вы казаки-малолетки. – Корф затеребил рукой одну из половинок своей бороды. – А сколько времени казаки обучались?

Я отметил мысленно, что генерал-губернатор назвал нас казаками. Такая оценка в глазах хозяина Приамурья дорогого стоила.

– С Романом Селевёрстовым мы занимались чуть больше

года, с остальными почти полгода, – ответил я.

В этот момент стартанула пара Лешего и Шило. А на исходный рубеж, прыгнув в траншею, вышли Раздобрев Саватей и Савин Евгений.

Надолбы и колья, расставленные на участке длиной метров десять, Лис и Тур прошли быстро, после чего как кошки по пазам и скобам поднялись на самый верх пятиметровой деревянной стены из стоймя вкопанных бревен, с которой спустились с помощью канатов, прикрепленных на другой стороне стены.

– А данное препятствие для каких целей? – спросил меня князь Барятинский.

– В Приамурье много пусть и небольших гор, а за Амуром их еще больше в приграничье. На этой стене казачата учатся лазить по горам и преодолевают страх высоты, – ответил я.

– Вершинин, а из атаманцев кто-нибудь по этой стене взберётся? – спросил есаула цесаревич.

– Если прикажут, мои атаманцы влезут куда угодно, – мрачно ответил начальник охраны Николая.

– Ваше императорское высочество, у нас около месяца уходит на изучение прохождения препятствий по одному. Полную полосу казачата начали проходить больше чем через два месяца тренировок. А в полном вооружении и снаряжении только через год. При этом в полевой форме учеников школы предусмотрена специальная ременная система, которая позволяет прикреплять к ней всё снаряжение и воору-

жение, чтобы оно не мешало и равномерно размещалось по телу.

Я встрял в разговор, чтобы цесаревич, не дай бог, не заставил свою охрану штурмовать стену или попытаться пройти всю «тропу разведчика». Только травм мне не хватало.

– И кто же придумал это снаряжение? Портупей, которые были на казачатах при встрече, кто придумал? – спросил генерал-губернатор.

– Вместе придумывали, – ответил я. – Вариантов было много. Пробуем образец, не понравилось – делаем другой. А парадная портупея больше для красоты.

«Не так и много вариантов было, – подумал я про себя. – Больше подгоняли РД под перемётную сумку и остальную мелочь. Но об этом лучше не говорить».

– И кто же эти эксперименты финансировал? – спросил генерал-губернатор Корф.

– Из казны школы. На учебных выходах занимались охотой. Трофеи продавали. Помогали семьи казачат. Из станичной казны также немного помогали, сначала атаман Селевёрстов, потом атаман Савин. Официальной возможности помогать больше у них не было.

– Понятно! – усмехнулся Корф, разгладив на две стороны свою бороду. – Шельмец. Значит, золото у Лю всё-таки взяли. Орлы!

– Вы о чём, Андрей Николаевич? – поинтересовался цесаревич.

– Это я своим мыслям, ваше императорское высочество.
«Фу-у-у! Пронесло! – подумал я. – А Корф отличный де-
док».

Пока мы, можно сказать, беседовали, первая пара пробежала наклонные лестницы, перепрыгнула двухметровый забор, прошла бревна высотой три метра с площадками для прыгивания. И теперь Лис и Тур ползли с помощью рук и ног по горизонтальным канатам длиной шесть метров, натянутым на деревьях на высоте четырёх метров.

– Ваше императорское высочество, считаю такую полосу препятствий очень полезной для обучения воинов Российской империи. – Тон князя Барятинского был серьёзен. И сам он выглядел при этих словах серьёзным и задумчивым.

– Тимофей, какой общий вес вооружения и снаряжения у казачат, которые проходят сейчас полосу препятствия?

– Где-то полпуда, ваше высокопревосходительство. Но могут и с большим весом, – ответил я.

– А сколько им лет?

– В основном шестнадцать.

– Хм-м... А выглядят старше и значительно более развитыми физически для своих лет.

– Ваше высокопревосходительство, старшая группа тренируется два года, младшая год.

– Интересно! Большинство прошедших медкомиссию рекрутов из крестьян в двадцать один год физически выглядят намного хуже, – озадаченно произнес князь.

«Ага! Проходил медкомиссию каждый второй или третий, да ещё откармливать надо было этих рекрутов с полгода, – подумал я. – Некоторые мясо в каше или щах первый раз за многие годы увидели». Вслух, конечно, я эти мысли не озвучил.

– А здесь, ваше императорское высочество, чуть ли не дети по возрасту проходят сложные препятствия, которые не каждый солдат или казак строевого разряда пройдет, – продолжил Барятинский, показывая рукой на три пары казачат, проходящих полосу.

Тур и Лис уже ноздря в ноздю бежали по наклонной стене из слег, чтобы спрыгнуть в отверстия с высоты около четырех метров, оказавшись в канаве с песком.

Пока цесаревич задумчиво рассматривал полосу препятствий, по которой с интервалом шли две пары казачат, Тур и Лис добрались до линии огня стрельбища, где их ждали два атаманца из конвоя цесаревича.

Достав из подсумков пачку с пятью патронами, Ромка и Антип зарядили свои винтовки. Передёрнули затворы и, взяв в распор ремень винтовки, приняли стойку для стрельбы стоя. Через пару секунд почти одновременно прогремели два выстрела. Вдали с двух мишеней, состоящих из трёх чурбаков, поставленных неровно друг на друга для меньшей устойчивости, слетели верхние чурбаки.

– Какое расстояние от линии огня до пораженных мишеней? – задал мне вопрос князь Барятинский.

– Триста шагов, ваше высокопревосходительство, – ответил я.

– Отличная стрельба после такой физической нагрузки, – отметил генерал-губернатор Корф.

Свита цесаревича начала активно обсуждать результаты прохождения полосы препятствий и стрельбу первой пары. Я же думал о том, какой фитиль вставить Ромке за то, что тот стрелял в дальнюю мишень, нарушив мой приказ.

Лис и Тур между тем разрядили винтовки под бдительным контролем атаманцев и побежали к началу «тропы разведчика». Так же удачно отстрелялись оставшиеся две пары и заняли своё место в строю перед полосой препятствий.

– Что дальше, Тимофей? – обратился ко мне наследник.

– Показ в составе отряда комплекса боевых приемов с оружием, ваше императорское высочество, – ответил я.

– А ты твоим языком жестов отсюда можешь дать команду отряду?

– Так точно, ваше императорское высочество.

– Тогда командуй.

«Не сталкивались вы, ваше высочество, с показухой в советской, а потом российской армии, – подумал я. – Всё давно продумано и отрепетировано, даже такой вариант с подачей команды жестами».

Я поднял правую руку над головой, сделав круг над головой, а потом этой же рукой указал место полигона почти напротив свиты, где при подготовке к возможному выступле-

нию голышами были отмечены места размещения каждого участника показухи. Цесаревича и свиту на место, где сейчас они стояли, я отправил по заранее разработанному сценарию.

Отряд, увидев сигнал, веером сорвался с места и занял отрепетированные места в разомкнутом строю в четыре колонны по пять человек. Казачата с винтовкой за спиной, шашкой и кинжалами, застыв на пару секунд, по резкой команде Ромки «Начали!», с выдохом выдернули из ножен кинжалы, принимая боевую стойку. А дальше понеслось представление для гостей, которое в моём прежнем времени можно было увидеть в частях спецназа по праздникам.

Не желая сильно удлинять показательные выступления, мы отработали для боёв с кинжалом, с шашкой и ими обоими комплексы по пятнадцать движений. Начальная боевая стойка, блок – удар с первым шагом. Три шага вперёд с концентрированными ударами на громком выдохе, защита и поворот на девяносто градусов налево для кинжала, направо для шашки, ещё два шага с защитой и последующим ударом.

Потом разворот на 180 градусов и по этой же траектории возвращение назад с концентрируемыми ударами холодным оружием на разных уровнях, блоками защиты и с дополнительными ударами ног. С кинжалом и шашкой комплекс был рассчитан на четыре шага вперёд в различных стойках, с последовательными ударами и приемами защиты, потом две колонны поворачивались налево и делали шаг, а две колон-

ны направо и также делали шаг. При возвращении колонны снова смыкались.

Конечно, той невероятной синхронности выступлений китайских и корейских больших коллективов по боевым искусствам, гимнастике, танцам в том моём времени, мы за два месяца тренировок не добились, но всё же показуха прошла на очень высоком уровне. Особенно для этого времени. Да и в будущем смотрелось бы данное выступление очень недурственно.

Цесаревич и его свита зачарованно глазели, как двадцать казачат, словно единый механизм, с концентрированным выдохом единообразно рубят, колют, защищаются, наносят удары кинжалом, шашкой, руками и ногами. Скорость движения у ребят также была высокой.

Гул, который висел над полигоном, создаваемый многоголосой толпой во время прохождения учебных пар по полосе препятствий, внезапно стих при начале этого выступления, после первого резкого выдоха участников.

Закончив выступление, которое прошло почти в полной тишине, ребята замерли на исходной позиции, перед этим резко вложив кинжал и шашку в ножны.

Последовала команда Лиса: «Оружие, на землю!» По этой команде казачата, перекинув из-за спины винтовки, сделав шаг правой ногой вперёд, положили оружие справа от себя. Выпрямились и, перекинув через голову перевязь португепи шашки, сделали ещё раз шаг вперёд и положили её на землю.

Выпрямившись, застыли по стойке смирно, только с кинжалами за поясом.

«Кругом!» – скомандовал Ромка, и мальки со старшаками, сделав одновременный поворот на 180 градусов, выбежали из прямоугольника, где лежало оружие, и построились в пять квадратов по четыре человека. Квадраты застыли лицом к свите в шахматном порядке, как цифра пять в виде точек на кубике игральной кости.

«Начали!» – скомандовал Селевёрстов, и казачата, развернувшись в четвёрках лицом друг к другу, приступили к новому показательному выступлению.

В каждой четвёрке двое вышли в центр квадрата и начали рукопашную схватку с нанесением ударов руками и ногами, захватами и бросками. После окончания краткой схватки, пары встали на место. В бой вступили вторые пары. В каждой четвёрке схватки происходили по разному сценарию. Старшаки ногами работали по верхнему уровню. Мальки выше бёдер ударов ногами не наносили.

После окончания рукопашного боя, в центр вышли пары, вооруженные кинжалами, и началась имитация ножевого боя спецназа. Над полигоном опустилась полная тишина.

«Щенки, млять! Поубиваю... – если бы кто услышал мои мысленные матерные конструкции, то узнал бы много новых слов. Даже Тимоха где-то в глубине сознания начал поскуливать. – Говорил же, чтобы работали кинжалами в ножнах! Нет, надо вые...ся. Сцуки, поубиваю...»

Чувствуя, как по спине начали стекать капли пота, я смотрел на показательные ножевые бои в пяти группах казачат и молил бога, чтобы всё обошлось без порезов и более серьезных травм. Скорость имитации ударов, их блокировка клинком или рукой была высокой даже у мальков.

Наконец и этот эпизод показательных выступлений закончился. Я перевёл дыхание. Дальше по сценарию вероятность получения травмы была значительно ниже. Между тем четвёрки показали различные способы снятия часовых, захвата языка. Старшаки также показали, как часовой отбивается от трёх одновременно нападавших противников.

Представление вышло зрелищным. В толпе, окружившей место выступления, то и дело раздавались вскрики и ядрёные комментарии, после наиболее эффектных ударов, от которых «нападавшие» разлетались, как кегли в боулинге.

Представление закончилось, и казачата заняли свои места в пяти четверках, развернувшись лицом к цесаревичу и его свите.

«К оружию!» – рявкнул Лис, и учащие школы через несколько секунд стояли у своих винтовок и шашек.

«Оружие поднять!» – прозвучала новая команда Ромки.

Выступающие, синхронно поднимая с земли сначала шашку, потом винтовку, вооружились и застыли.

«В две шеренги становись!» – новая команда Лиса, обозначившего место построения. После, казалось, хаотичных перемещений ребята застыли в неподвижном строю.

Среди окруживших, в некотором отдалении от цесаревича и свиты, казаков и казачек раздались редкие крики «любо», но быстро смолкли.

Цесаревич Николай в какой-то задумчивости смотрел на строй учеников Казачьей школы станицы Черняева, потом, мотнув головой, обратился ко мне:

– Тимофей, попроси кого-нибудь из казачат подойти ко мне.

– Шохирев Георгий, к его императорскому высочеству, бегом! – скомандовал я.

Шах сорвался из строя и, не добежав до цесаревича пяти-шести шагов, перешёл на строевой шаг. Остановившись за два шага от цесаревича, вытянулся и чётко доложил: «Ваше императорское высочество, Шохирев Георгий по вашему приказанию прибыл!»

– Покажи свой кинжал, казак, – приказал цесаревич Шаху.

Шохирев, вынув из ножен кинжал, протянул его наследнику государя рукояткой вперёд. Николай взял кинжал, сделав знак другой рукой дёрнувшемуся есаулу Вершинину оставаться на месте.

Цесаревич аккуратно провёл пальцем по кромке лезвия и попробовал остроту кончика кинжала.

– Тимофей, у всех учеников школы в строю боевые кинжалы? – спросил меня наследник, возвращая Шаху кинжал и взмахом руки отправляя Шохирева в строй.

– Так точно, ваше императорское высочество. В течение последнего года мы постарались, чтобы у всех учеников школы были однотипные кинжалы, которые в тысяча восемьсот сороковом году были приняты на вооружение казаков тогда ещё Черноморского казачьего войска. Они очень удобные, – ответил я.

– Я не о том хотел спросить, Тимофей. Все эти выступления, приёмы, бои ученики школы проводили с настоящим, боевым оружием?

– Так точно, ваше императорское высочество. Применение боевого оружия в учебных схватках заставляет концентрировать внимание на каждом своём движении и движении условного противника. Навыки при этом запоминаются и заучиваются быстрее.

«Всё это так и есть, – успел подумать про себя. – Ребята на занятиях действительно работают с боевым оружием. Но гораздо медленнее. А сегодня ножевой бой и остальные показательные схватки должны были показывать с кинжалами в ножнах. Ладно! Прощу неслухов. Эффектно получилось! И замечательно, что без травм!»

– И сколько времени вы затратили на подготовку этих выступлений? – поинтересовался цесаревич.

– Два месяца, ваше императорское высочество, – ответил я.

– Очень зрелищно получилось! Очень!.. – вступил в разговор Барятинский. – Поверьте, цесаревич, я вместе с ва-

шим батюшкой посетил много воинских частей и военных училищ, где показывали примеры выучки солдат и офицеров. Но такого эффектного, точнее эффективного владения холодным оружием не видел. Никаких лишних движений: удар, удар-защита, защита и удар. Здорово!

– Как неплохой фехтовальщик, – заговорил молчавший всё время князь Оболенский, – также отмечаю эффективность показанных связанных движений и ударов с защитой, как кинжалом, так и шашкой. А техника двойных защит и ударов шашкой и кинжалом чем-то даже похожа на испанскую школу боя со шпагой и дагой. И совсем не похожа на казачью крутку и рубку шашкой. Кто вам составил эту последовательность боя, Тимофей?

– Мне кажется, я знаю ответ, – усмехнулся князь Ухтомский.

– Большую часть я. Мне дед не только нашу технику боя шашкой на коне показал, но и много ухваток кубанских пластунов, которые дед узнал во время Крымской войны. – Я сделал паузу, будто собираясь с мыслями. – Также у всех казачат есть свои семейные ухватки. Так постепенно и сложилось то, что вы увидели. У нас на это дней десять ушло.

– У мастеров фехтования жизнь уходила на создание своей школы боя, а тут десять дней, и что-то необычное и новое получилось, – вновь заговорил «молчун» князь Оболенский.

– Да и остальные выступления выглядят по-новому и необычно! – цесаревич как бы подвёл итог возникшей дис-

куссии. – Что, Тимофей, ты ещё хотел показать?

– Ваше императорское высочество, мы подготовили ещё конный показ использования лошадей для пешего боя. Из конного строя в две колонны перестроение в «вагенбург», где учащиеся школы имитируют отражение противника под прикрытием лошадей. Выдвижение из «вагенбург» обратно в две колонны и имитация отражения нападения, когда казаки укладывают лошадей на землю для защиты и ведут ответный огонь, лежа и укрывшись за лошадью. И в заключение показательная рубка лозы верхом младшими учениками школы. Но, – я, немного развернувшись, развел руками, показывая ими на толпу, которая полукругом охватывала цесаревича и свиту сзади, – места для этого выступления не осталось.

– И что, все ученики школы научили за два месяца своих коней ложиться на землю? – заинтересованно спросил князь Кочубей.

– Ученики все, но не за два месяца, – ответил я. – Старшее отделение ещё два года назад стали учить своих коней ложиться. Младшие при начале обучения – год назад. Трудностей много было. У меня мой Беркут хлеб с солью очень любит, а поклон делать и ложиться стал только за морковку. У Савина Евгения конь лег на стремя, которое тот не закрепил сверху на седле, и после наотрез отказался ложиться. Пришлось Евгению коня менять.

Цесаревич, слушая меня, достал из кармана кителя часы

и, откинув крышку, посмотрел на циферблат. Щёлкнув закрывшейся крышкой, убрал часы обратно в карман.

– Тимофей, я думаю, что и показательные выступления с конями были бы не менее зрелищными, но места для них, увы, нет. Да и нам пора выдвигаться дальше. Кроме того, надо уделить внимание старейшим казакам станицы. – Николай повернулся к есаулу Вершинину. – Алексей Львович, из коляски пусть доставят мне саквояж с наградами.

Николай, его свита и я вместе с ней двинулись к атаману Савину и старейшинам, которые уже слились с толпой. Увидев, что наследник пошёл в их сторону, атаман Савин и протоиерей Ташлыков вышли на три шага вперёд. За ним вышли все старики-старейшины станицы: Шохирев Давыд, Савин Митрофан, Раздобреев Афанасий, Подшивалов Феофан и Гусевский Ион.

Цесаревич, не доходя двух-трёх шагов до атамана и батюшки черняевской церкви, остановился и поднял руку, прося тишины. Стоящий над полигоном гул мгновенно стих.

– Господа казаки Черняевского округа! – начал Николай. – Я рад и очень доволен встречей, которую вы все мне оказали. Могу теперь сказать, что и среди амурских казаков чувствую себя как дома. Особо отраднo было увидеть воинские навыки учащихся Казачьей школы станицы Черняева, их призовую стрельбу и отменное владение холодным оружием.

Цесаревич обернулся и сделал рукой знак есаулу Верши-

нину, чтобы тот подошел поближе. Командир конвоя, подошел к наследнику государя, держа в руках расстёгнутый сак-вояж, который успел принести один из атаманцев. Николай заглянул внутрь и достал золотую медаль на Аннинской ленте.

– Атаман Савин, за активное участие в военной подготовке будущих умелых и отважных казаков Амурского конного полка жалую вас золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте.

Наследник государя прикрепил медаль на мундир Савина, который с покрасневшим лицом и выпученными глазами застыл столбом перед Николаем.

«Вот это да, – обалдело подумал я. – Сразу через три предыдущих по статусу награды атаман перескочил».

– Покорно благодарю, ваше императорское высочество! – натужно выдавил из себя находящийся в изумлении Савин.

Цесаревич милостиво кивнул и, повернувшись к свите, огорошил меня вопросом:

– Тимофей, ты говорил, что школа была создана при другом атамане?

– Так точно, ваше императорское высочество. Решение о создании школы для казачат принимали атаман Селевёрстов и старейшины станицы.

– Казак Селевёрстов здесь? – Николай обратился к застывшей толпе встречающих. – Пусть подойдет ко мне.

Пётр Никодимович, который в своём парадном мундире с

нашейной серебряной медалью «За храбрость» находился в первом ряду казаков, стоящих за старейшинами, несколько неуверенно двинулся к цесаревичу. Потом, перейдя на строевой шаг, подошёл к государя наследнику и доложил:

– Ваше императорское высочество, старший урядник отставного разряда Селевёрстов по вашему приказанию прибыл!

– Молодец, старший урядник Селевёрстов! За организацию школы по подготовке казачат к дальнейшей службе жалую вас золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте.

Цесаревич прикрепил медаль, которую подал есаул Вершинин, на мундир дядьки Петро, лицо которого стало не менее изумленным, как до этого было у атамана Савина.

– Покорно благодарю, ваше императорское высочество! – ответ Селевёрстова на милость наследника был более уверенный, чем у его свата атамана Савина.

– Ваше высокопреподобие, отец Александр, – обратился цесаревич к Ташлыкову, – передаю вам в дар наперсный крест, освященный на службе в Казанском соборе – храме русской воинской славы. Службу и освящение проводил Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, Свято-Троицкий Александро-Невский лавры священно-архимандрит отец Никанор.

– Благодарю вас, ваше императорское высочество! – Ташлыков с поклоном взял из рук Николая богато украшенный серебряный крест на цепочке и, поднеся крест к губам, по-

целовал его.

После этого батюшка Александр, взяв крест за основание, благословил им цесаревича Николая со словами: «Благословен Бог Наш всегда, ныне и присно...»

Цесаревич после благословения протоиерея Ташлыкова подошёл к старейшинам. Через пару минут у основателей станицы Черняева на груди заалели Аннинской лентой серебряные медали «За усердие».

После награждения старейшин цесаревич, сделав знак рукой всем награждённым и свите следовать за ним, направился к строю казачат. Остановившись перед серединой первой шеренги, Николай подозвал к себе Вершинина и заглянул в саквояж, после чего позвал меня к себе. Когда я браво подскочил к наследнику, Николай произнёс:

– Я хотел бы наградить всех участников этих замечательных показательных выступлений, но достойных наград у меня только пять. Тимофей, тебе выбирать, кого награждать. Справишься?

– Так точно, ваше императорское высочество, – и, развернувшись к строю, скомандовал: – Ученики школы Селевёрстов, Верхотуров, Подшивалов, Шохирев, Данилов выйти на два шага из строя!

Названные мною казачата разом сделали два шага вперёд и застыли перед первой шеренгой.

– Почему они? – поинтересовался цесаревич.

– Селевёрстов – лучший боец без оружия, обучает этому

молодой десяток, Верхотуров всё хозяйство школы на себе везёт, Подшивалов проводит конные занятия, Шохирев лучший фехтовальщик, а Данилов проводит занятия с мальками по общеобразовательным предметам.

– Понятно, – улыбнулся цесаревич. – Решил преподавательский состав школы наградить. Молодец!

Будущий император подошёл к Ромке Селевёрстову и, повернувшись к есаулу Вершинину, который как тень следовал за Николаем справа от него и на шаг сзади, запустил руку в саквояж. Достав кинжал с рукоятью из чёрного дерева в ножнах, обтянутых черным бархатом, украшенных металлическим прибором с вытравленными изображениями диких животных в лесу и стилизованным растительным орнаментом, цесаревич обнажил клинок. Далее наследник, поворачивая клинок, показал его казачатам. За это время я успел увидеть, что прямой, однодольный, обоюдоострый, с боевым концом копьевидной формы и длиной около 20 сантиметров клинок был покрыт вытравкой. На одной из голоменей в обрамлении стилизованного растительного орнамента была надпись: «Врагу страшен, хозяину покорен», на другой – «Златоуст».

Цесаревич вложил клинок в ножны и вручил его Ромке.

– Покорно благодарю, ваше императорское высочество! – приняв кинжал и вытянувшись во фрунт, гаркнул Лис.

Остальные казачата, получив кинжалы, также чётко поблагодарили наследника государя за полученные награды.

Цесаревич, вручив последний кинжал Данилову Петьке, отдал честь и скомандовал: «Встать в строй!» Казачата, развернувшись кругом, встали в строй.

– Ученики Черняевской казачьей школы, благодарю за службу! – громко и чётко произнёс будущий император.

– Рады стараться, ваше императорское высочество! – дружно и чётко ответил строй казачат.

– Вольно! – скомандовал цесаревич и повернулся к свите. – Теперь осталось решить, как наградить Аленина Тимофея.

Николай подошёл и вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Что хотел бы получить в награду начальник Казачьей школы станицы Черняева? – будущий император, как мальчишка, задорно улыбнулся.

Я озадаченно застыл молчаливой статуей. Такого поворота в общении с наследником я не ожидал. Выручил, неожиданно для меня, атаман Савин.

– Ваше императорское высочество, – волнуясь, произнес окружной атаман. – Дед Тимофея Аленина завещал ему поступить в Иркутское юнкерское училище.

Савин, сконфузившись от своего поступка, замолк. Вперёд выступил князь Барятинский.

– Думаю, что в ходатайстве от наследника государя для поступления Тимофея в училище необходимости нет. Он и сам легко пройдет все испытания. Я пока с ним общался за время выступлений, не раз ловил себя на мысли, что говорю

минимум с обер-офицером.

– Согласен с вами, ваше сиятельство, – веско произнёс генерал-губернатор Корф. – Я думаю, в казне генерал-губернаторства найдется две тысячи рублей в год для дальнейшего развития школы. Но чтобы в ней обучались казачата со всего Черняевского округа. А хорунжего Аленина надеюсь скоро увидеть в списках Амурского конного полка.

«Вот это удружил, дедушка Корф, – подумал я про себя. – Подарочек-награда, однако!»

– По поводу ходатайства, – усмехнулся цесаревич, – проблемы не вижу. А пока за усердие вручаю, Тимофей Аленин, тебе эти часы.

Будущий император, подойдя к Вершинину, достал из распаханного саквояжа часы в золотом корпусе и вложил их мне в руку. Я, как мои казачата, браво рывкнул: «Покорно благодарю, ваше императорское высочество!»

– Тимофей, я не смог наградить всех твоих учеников и чувствую себя несколько неуютно.

После этих слов на меня накатила моя «чуйка» на опасность, только гораздо сильнее. Застыв на несколько секунд, я не задумываясь ляпнул: – Ваше императорское высочество, разрешите первому десятку сопровождать на пароходах вас и вашу свиту! Через двадцать пять вёрст вверх по Амуру будет удобная бухта, где мы сойдем. А о сопровождении в конвое вашего императорского высочества казачата будут рассказывать своим внукам.

Глава 3

Спасение цесаревича

Я сидел на бухте каната, опираясь на «Гевер», стоящий между ног. В голове была полная пустота. Под журчание забортной воды, струящейся у борта парохода «Вестник», я отдышал, сбрасывая невероятное нервное напряжение от общения с цесаревичем и его свитой.

«И зачем я влез во всё это?» – в очередной раз подумал я, вспоминая события двухчасовой давности.

Накатившее чувство опасности во время разговора с Николаем, когда он спросил меня, как наградить всех казачат, заставило попросить включить их в конвой на небольшой участок маршрута путешествия цесаревича.

Государя наследник, махнув рукой, с улыбкой разрешил и под руку с протоиереем Ташлыковым прошествовал к коляске. По его распоряжению всем надо было проследовать в станицу на обеденную службу, а после обедни и трапезы наследник престола планировал отправиться дальше вверх по Амуру.

За цесаревичем потянулась вся свита, кроме меня, есаула Вершинина и генерал-губернатора Корфа. Когда все направились за наследником престола, а я хотел отойти к строю казачат, Корф сзади взял меня под руку и не дал двинуться

с места. Вершинин, передав саквояж одному из атаманцев, присоединился к генерал-губернатору.

– Тимофей, к чему эта просьба? – хозяин Приамурья с неожиданной силой развернул меня к себе лицом. – Я заметил, что после вопроса наследника ты изменился в лице. Оно у тебя стало какое-то мёртвое. А потом это странное предложение. Обычно встречавшие цесаревича казаки провожают пароходы по берегу. Пока есть такая возможность. Тебе что-то известно об опасности, которая может грозить государя наследнику?

– Никак нет, ваше превосходительство, – я мысленно поёжился от взгляда есаула, на лице которого явно читалась мысль перерезать кому-нибудь глотку. – Мне ничего не известно, но накатило чувство опасности. У меня уже один раз такое было при разгроме банды Золотого Лю. Если бы не прислушался тогда к этому ощущению, сейчас бы здесь живым не стоял.

– Такое чувство и мне знакомо. На Кавказской войне возникало неоднократно, – генерал-губернатор скосил взгляд на свой орден Святого Георгия четвертой степени, который в единственном числе был на его груди. – Но зачем казачат в конвой на пароходы?

– Ваше превосходительство, после вопроса государя наследника я подумал о том, что на пароходах в конвое мало казаков-атаманцев. И если будет нападение, то таким количеством отбиться будет сложно. А первый десяток казачат

школы уже был в бою, и они больше обучены воевать в пешем порядке из засад и укрытий.

– Ваше превосходительство, у меня в конвое десять атаманцев, вооруженных восьмизарядными винтовками системы Лебеля. Да мы за полминуты, если ещё один патрон в ствол добавить, девяносто выстрелов сделаем. А все атаманды конвоя великолепные стрелки, – вступил в разговор есаул Вершинин. – Отобьемся. Ещё и револьверы есть. Да и казаки помогут, которые по берегу пойдут.

– Всё это замечательно, – генерал-губернатор снял фуражку и, достав белоснежный платок, вытер вспотевший лоб. – Но думаю, у Аленина ещё какая-то причина была попросить включить казачат в конвой?

– Ваше превосходительство, у меня промелькнула мысль, что если нападение будет, то вернее всего среди островов, которые начинаются верстах в четырёх от станицы вверх по Амуру. Особенно опасен для засады остров Разбойный и два острова напротив него. Фарватер судов проходит между островами. От острова Разбойный и пятидесяти шагов не будет. Фланговый огонь из засады может быть сильно губительным, – я глубоко вздохнул и продолжил: – Кроме того, острова покрыты кустарниками, есть немного леса, а самое главное, остров Разбойный закрыт с нашей стороны другим островом и заболоченной поймой Амура. Ближе версты не подойдешь. Поддержки с берега не будет.

– Надо лоции у капитана посмотреть, – озабоченно про-

изнёс Вершинин. – Может быть, есть какой-то другой путь мимо этого острова.

– В этом году вода в Амуре высокая, – нарушая субординацию, перебил я есаула. – Возможно, получится обогнуть остров вдоль нашего берега. В этом случае возможный огонь будет вестись только с одной стороны.

Генерал-губернатор вновь протёр вспотевший лоб платком, держа фуражку в руке.

– Господи, не допусти вреда цесаревичу Николаю Александровичу, – Корф истово перекрестился. За ним осенили себя крестным знамением мы с есаулом.

– Тимофей, сколько тебе времени надо, чтобы подготовить отряд? – обратился ко мне генерал-губернатор, надевая фуражку.

– Пятнадцать минут, ваше превосходительство, – ответил я. – Необходимо заехать на хутор, чтобы переодеться и вооружиться мне, а казачатам получить ещё по пять пачек патронов. Остальное для трёхдневного марша у них уже с собой.

– Основательно, – хозяин Приамурья покрутил головой. – Отличная мобильность! Тогда поступим следующим образом. Аленин, ты со своими учениками выдвигаешься в станцию, где ждёте приказа. А мы с господином есаулом в перерыве между службой и трапезой организуем свой «совет в Филях». Всё ясно?!

– Так точно, – дружно и слаженно прозвучали наши отве-

ты с Вершининым.

– Вот и хорошо. Пойдёмте, Алексей Львович, – генерал-губернатор взял есаула под руку. – А то у тарантаса, который оставили для меня, ваши атаманцы извелись, ожидаячи.

Перед тем как двинуться к экипажу, генерал-губернатор задал мне ещё один вопрос:

– Тимофей, а кто у вас в станице сможет разведать обстановку на острове?

– Ваше превосходительство, лучший следопыт и охотник в станице – урядник отставного разряда Лесков, а среди казаков второй и третьей очереди наибольшим авторитетом пользуется вахмистр Шохирев.

– Очень хорошо, – задумчиво произнёс Корф, заканчивая разговор, и направился вместе с Вершининым к тарантасу.

Прибыв всем отрядом минут через двадцать в станицу, мы увидели столпотворение у черняевской церкви во имя Сретения Господня. Счастливцев, попавших внутрь церкви, где проходила обеденная служба в присутствии цесаревича, было не много. Основная масса народу стояла перед церковью в ожидании, когда Николай выйдет и можно будет ещё раз увидеть обожаемого государя наследника, а может, даже удастся к нему прикоснуться.

Найдя свободное пространство рядом с церковью, где смогли разместиться оба десятка с конями, спешили, и наконец-то, не спеша и не захлёб, между ребятами началось

обсуждение событий на полигоне.

– Ермак, часы покажи, – попросил меня сияющий, как надраенный самовар, Ромка, который то и дело сжимал рукоять вручённого цесаревичем кинжала. Такие же сияющие лица, на которых каждые десять-пятнадцать секунд возникали глупо-восторженные улыбки, были ещё у четырех обладателей наград от наследника престола.

Я, сдвинув перевязь с метательными ножами, достал из левого нагрудного кармана рубахи часы в золотом корпусе с золотой цепочкой. На крышке красовался вензель императора. Щёлкнув кнопкой, откинул крышку, на внутренней стороне которой оказалась надпись «Hu Moser & Co».

– Эх ты, с вензелем, да ещё и минутным репетиром, – восхищённо выдохнул командир мальков Мишка Башуров. – Ермак, а дай в руках подержать.

Я отдал Мишке часы, а сам посмотрел на вход в церковь. В этот момент на крыльцо церкви выскочил отец Дана приказный Данилов и буквально скатился по ступеням, ужом проскользнув в толпу. Через пару минут он вместе с Митяем Широким и дядькой Михайло Лесковым застыл у крыльца церкви с правой стороны.

«Кажется, скоро начнётся, по словам генерал-губернатора, “совет в Филях”», – подумал я, слушая краем уха разговор среди казачат.

– В станице Иннокентьевской атаману Катанаеву, как гутарят, такие же часы государя наследник вручил...

— А в станице Пояркова десятилетнему Власу Тюменцеву, который проскакал, стоя в седле на голове и с вытянутыми вверх ногами, государя наследник только деньги вручил, а нам кинжалы...

— В Кумарской атамана Плотникова тоже часами с вензелем наградил...

— А у нас в станице государя наследник две золотые и пять серебряных медалей «За усердие» вручил, да ещё на Аннинской ленте...

— Столько, говорят, он только во Владивостоке, Хабаровке да Благовещенске награждал...

— А из казаков, по слухам, никому не вручил, только купцам гильдейским...

— Наша станица теперь на всё Приамурье прославится...

— Ермак-то теперь начальник нашей казачьей школы...

Я слушал трёп казачат, мысленно улыбаясь, а сам внимательно смотрел на вход в церковь. Трезвон колокола при целовании креста возвестил об окончании литургии.

Наследник российского престола под громогласные крики «Ура!» вышел на церковное крыльцо и, подняв фуражку, помахал ею над головой. Рёв толпы стал ещё неистовее.

Надев головной убор, Николай в сопровождении протоиерея Ташлыкова, свиты, атамана Савина и старейшин направился через станичную площадь к трактиру, где был накрыт стол для трапезы.

Рядом с церковным крыльцом остались генерал-губерна-

тор, князь Барятинский, есаул Вершинин, какой-то чин в белом мундире, фуражке и брюках. Видимо, капитан парохода. К этой группе по команде Вершинина присоединились Митяй Широков и Лесков.

Совещание длилось минут десять. По его окончании члены свиты цесаревича отправились в трактир. Лесков куда-то побежал с площади по центральной улице станицы, а вахмистр Шохирев пошёл в нашу сторону.

– Ну что, баламут, – Шохирев от души заехал своей лопатой-ладонью по моей спине, да так, что я чуть не упал, – опять всех на уши поставил.

– Дмитрий, что там решили генералы? – я свёл лопатки, занывшие от дружеского приветствия вахмистра.

– Что решили? То и решили. Слушай, – Митяй наставительно указал на меня пальцем.

Из дальнейшего повествования Шохирева я уяснил следующее. После обсуждения возможного нападения на пароходы и варианты этого нападения, генерал-губернатором Корфом при полном одобрении князя Барятинского было принято следующее решение.

Первое. О моём предчувствии опасности цесаревича в известность не ставить. Тот ещё от покушения в Японии не до конца в себя пришёл. А здесь будет нападение, не будет – гадание на ромашке. Но насколько возможно, на всякий случай решили подготовиться.

Второе. Десяток казачат для усиления решили включить

в конвой. Шесть казачат, со мной включительно, на пароход со штандартом цесаревича, пять казачат на пароход сопровождения.

Третье. Восемь атаманцев во главе с есаулом Вершининым также располагаются на пароходе «Вестник». Из свиты на пароходе с Николаем остаются генерал-губернатор Корф, князь Барятинский, доктор фон Рамбах и штабс-ротмистр Волков. Остальные, чтобы не мешать, переходят на пароход-конвоир. Старшим на пароходе «Ермак» назначен контр-адмирал Басаргин. Кроме того, с «Ермака» на судно с наследником престола переходит пара речников, умеющих управлять пароходом. На всякий случай.

Четвёртое. Для разведки островов выделяется десяток казаков во главе с Лесковым, который убежал узнавать у Генки Савватеева, где тот лодку в пойме прячет. Сначала хотели на лодках до островов из станицы плыть, да выгребать против течения долго придётся, не успеют казаки проверить острова до подхода к ним пароходов. Через час цесаревич по графику должен идти по Амуру дальше. А так казаки через лес по тропе, и дальше на лодке Савватеева острова и проверят.

В-пятых. Капитан парохода «Вестник» сказал, что если вода стоит так же высоко, как две недели назад, когда он в Благовещенск шёл, то можно пройти и вдоль нашего берега.

В-шестых, сейчас Митяй начнет формировать полусотню казаков, которая пойдет за десятком Лескова для поддержки конвоя, если нападение на пароходы всё-таки состоится.

Слушая вахмистра, я всё больше мрачнел, так как моя «чуйка» с каждой фразой Митяя начинала верещать, как сирена, сильнее и сильнее. При этом я не мог понять почему.

«Толковый план, который можно было придумать, если не ставить в известность цесаревича и не нарушать график передвижения пароходов, – проносились мысли в моей голове. – Хотя я бы пароход-конвоир с казаками отправил бы сейчас вперёд, за час как раз все острова бы проверили и прочесали. Тем более, как полусотня, если бой случится, конвой поддержит? Наш берег у островов – высокий обрыв, с него к реке не спустишься, а пойма залита. Кони в иле завязнут. Там только на лодке. А с берега стрелять, то до острова Разбойный все четыреста-пятьсот шагов будет. Чисто попугать?! И не влезешь же со своими предложениями. Ладно, хоть мои предчувствия их превосходительства выслушали и хоть как-то отреагировали».

– Ты чего мрачный такой, Тимофей? – Ширяев ткнул меня кулаком в плечо. – Да мы в шестьдесят стволов, да если ещё твой младший десяток добавить, то в семьдесят, кого хочешь уничтожим.

И тут меня будто осенило, и я понял, что же меня терзало и мучило всё это время.

– Господин вахмистр, так получается, при отъезде государя наследника в станице почти никого из боеспособных казаков не останется. Только старики да казаки отставного разряда. И таких вместе с делегатами из других станиц и ху-

торов округа чуть больше полсотни наберётся.

– И что в этом такого? – спросил Митяй, с недоумением смотря на меня.

– А если, не дай бог, нападение на конвой цесаревича всё же случится, что они будут делать?

– Что будут делать, что будут делать? Кто способен, винтовку за спину, на конь, и галопом на выручку государя наследнику.

– И кто останется для охраны станицы?

– Да почитай никого и не останется. Казачки, дети да старики, – уверенно ответил вахмистр. – Постой-ка, Тимофей, а ты к чему эти речи ведёшь?

– Помнишь, Дмитрий, разговор у купца Касьянова, когда он сказал, что какой-то главарь крупной банды хунхузов по прозвищу Четырнадцатый Владыка Ада заявил о желании отомстить за смерть Золотого Лю и назначил за голову подполковника Печёнкина цену в серебре по её весу?

– Помню. И причём здесь это и нападение на цесаревича великого князя Николая Александровича?

– Касьянов уже тогда знал, что Лю убил я, а не ротмистр Печёнкин. А его банду в основном разгромили казачата и казаки станицы Черняева. Прошло почти два года с тех событий. Подполковник Печёнкин жив. А этот Владыка Ада мог узнать за это время, кто реально убил его друга.

– Ты хочешь сказать, что бандиты для вида обстреляют пароходы, а когда мы все помчимся спасать государя наслед-

ника, они нападут на станицу, чтобы отомстить за те события? – Шохирев в задумчивости стал пощипывать кончик уса. – А ведь такое может быть! И отпор варнакам действительно будет некому дать. Что же делать?

Я задумался. Всё, что я знал о хунхузах в том времени, и то, что узнал о них здесь, говорило о том, что нападение на станицу, а тем более на цесаревича маловероятно. Сейчас ещё действует запрет на причинение обиды иностранцам, как обычное положение хунхузских правил в крупных бандах. Именно поэтому Шисы Яньван, или Четырнадцатый Владыка Ада, объявил награду за голову подполковника Печёнкина, а не направил за ней своих головорезов. В Приамурье полно банд, которые не чтут никаких законов и правил. Полные отморозки. Этим абсолютно всё равно, кого грабить и убивать. А Шисы Яньван, как о нём многие говорят, не жестокий, кровожадный разбойник, а вожак волевой и умный. Точнее сказать, вождь, который силой своего духа в железной дисциплине держит войско, которое за него пойдёт в огонь и в воду. И войско это насчитывает до тридцати тысяч, если соберутся все банды, главари которых, говоря языком XX века, ходят под Шисы. Отморозком его никто не считает. И взять на себя акцию по обстрелу пароходов с наследником российского престола – это если не подписать себе смертный приговор, то очень сильно осложнить своё существование. Не слишком ли большая цена за смерть своего друга – Золотого Лю?! Если бы ему надо было, его банда станицу раска-

тала бы без особого напряжения в любое время суток. Что сделали бы сто пятьдесят – двести бойцов станицы, включая казачек, против его только гвардии, состоящей из тысячи отборных воинов, с огромным боевым опытом! Так что вряд ли будет нападение. Почему же у меня такое предчувствие опасности?!

Казачата, которые внимательно слушали наш диалог, за время моего раздумья придвинулись ближе.

– Ермак, так на его высочество кто-то напасть хочет? – озвучил общую мысль казачат Ромка Селевёров.

– Не знаю. Когда государя наследник спросил меня, как остальных учеников нашей школы наградить, накатило чувство опасности. – Я повернулся к Вовке Лескову. – Помнишь, Леший, как я не хотел в лагерь Золотого Лю входить?

Дождавшись ответного кивка, продолжил:

– Вот и предложил увеличить конвой цесаревича нашим первым десятком. Остальное господин вахмистр уже сказал. А теперь о беззащитной станице подумалось, если нападение, не дай бог, всё же случится.

– Может, генерал-губернатору Корфу доложить? – несмело прозвучало предложение Женьки Савина.

– Его превосходительству главное безопасность государя наследника цесаревича, – задумчиво произнёс Митяй. – Ему наши опасения за станицу при возможном нападении на августейшую особу – мелочь, не стоящая внимания.

– Дмитрий, а давай так поступим, – я решительно рубанул

воздух рукой. – Второй десяток мальков остается в станице и тройками перекрывает три возможных направления подхода бандитов: от острова Зориха, с тропы на Зейскую пристань и от Ермаковского хутора. Если заметят выдвижение отряда хунхузов, предупреждают станицу. Если, дай боже, всё пройдет спокойно, то по возвращении казаков десяток идёт с заводными конями нас встречать, когда я и старшаки высадимся с пароходов в двадцати пяти верстах выше по Амуру за Мунгаловским островом.

– Хорошо. Проблема с наблюдателями отпала, – одобрил мои слова Шохирев.

– А ещё, господин вахмистр, придётся вам до атамана и старейшин как-то довести мысль, что обмывать награды придётся позже, а пока надо вооружаться и ждать возможного нападения. А после отъезда цесаревича телеги, слуги, колья, щиты подготовить, чтобы баррикадами пути в станицу перекрыть.

– Ха, нашёл проблему. Да я им скажу, что это ты такие указания дал, и всех делов. Ты же для них теперь царь и бог. Ладно, Никодимыч Селевёрстов с его шейной медалью «За храбрость» мог по статуту золотую получить. Так Савин через три награды перепрыгнул, а старики через одну. – Шохирев, ехидно улыбаясь, снова ткнул меня своим кулачищем в плечо. – Похоже, у государя наследника других наград не было, вот он Савина и Селевёрстова, как гильдейских купцов, сразу золотыми медалями наградил. И кто сыну импе-

ратора укажет на ошибку? Думаю, в канцелярии генерал-губернатора все бумаги оформят как надо.

Шохирев улыбнулся, а потом в буквальном смысле за-
ржал. Я и казачата с непониманием уставились на вахмист-
ра. Отсмеявшись, Митяй вытер в глазах выступившие слёзы.

– Вспомнил, с каким выражением лиц наши награждённые перед цесаревичем стояли. Будто дети малые, которым сладкий петушок на палочке дали. Я стариков таких одновременно изумлённых, умилённых и счастливых никогда в жизни не видел. Кстати, Тимофей, мог бы и за меня словечко перед цесаревичем замолвить. Шучу, шучу!

Вахмистр резко стал серьёзным.

– В общем, предложения, Тимофей, толковые. Так и поступим.

По окончании разговора с вахмистром Шохиревым прошёл всего час, и вот я иду на пароходе «Вестник» вверх по Амуру в конвое будущего императора Николая II. Вместе со мной на пароходе цесаревича из учеников школы идут Лис, Тур, Леший, Ус и Чуб. Лучшие стрелки отряда.

Когда садились на пароход, есаул Вершинин сразу представлял казачат и своих атаманцев по периметру борта парохода, нарезая сектора наблюдения и обстрела. Сделал это, на мой взгляд, толково. Я кроме этого напомнил своим ребятам о правилах прицеливания и особенностях стрельбы над водной поверхностью.

Цесаревич и остальные члены свиты, как только «Вест-

ник» скрылся от взглядов провожающих казаков и казачек Черняевского округа, которые следовали за пароходами, пока берег давал такую возможность, разошлись по каютам, и на палубе наступила относительная тишина.

Я, пока никого из начальства на палубе не было, на отвёрнутом мне месте на носу присел на небольшую перевязанную бухту каната и отдыхал от сумасшедшего ритма встречи наследника. Уйдя в нирвану отдыха, чуть не проморгал есаула Вершинина, который спустился с капитанского мостика и направился в мою сторону.

Вскочил с бухты, закинул винтовку на плечо и принял стойку смирно.

– Что скажешь о пароходе? – спросил меня подошедший есаул.

«Деревянное корыто с колесом в том месте, где у “запора” мотор, – подумал я про себя. – Неизвестно, борта пулю выдержат? Стенки кают точно нет».

Я не успел ответить, так как в этот момент цесаревич вышел из своей каюты без головного убора, одетый в простую полотняную рубаху, перепоясанную наборным ремнём, и шаровары, заправленные в легкие кожаные ичиги. Я и есаул Вершинин развернулись в его сторону.

«А с правой стороны головы Николая и на темени в причёске ещё заметны проплешины на местах ран от ударов саблей в Японии», – подумал я.

В своё время немало прочитал различных версий об этом

нападении. Для себя каких-либо окончательных выводов о причинах нападения японского полицейского так и не сделал. Логичными выглядели и официальная версия, и некоторые совсем уж экзотические, вроде той, что цесаревич Николай и его спутник принц Георг Греческий, изрядно поддавши, забрели в синтоистский храм и там, идиотски хихикая, начали колотить тросточками по священным для синтоистов храмовым колоколам. Пошли разговоры, люди возмутились, вот полицейский и не выдержал. Наказал охальника. По моему мнению, данная версия – хрень полная, но изложена логично и с причинно-следственными связями.

Николай осмотрел атаманцев и казачат, которые цепью выстроились вдоль борта и внимательно рассматривали берег реки, мимо которого проходило судно. Следом за наследником из кают вышли князь Барятинский и генерал-губернатор Корф, также одетые по-простому, можно сказать подомашнему. Цесаревич, кивнув им, направился в нашу сторону.

– Алексей Львович, объясните мне, – какой-то помолодевший непарадный Николай с напором обратился к есаулу, – что происходит? Почему часть свиты перешла на «Ермак», а здесь собрались все атаманцы? Почему все вооружённые стоят вдоль бортов? Объяснитесь!

Я смотрел на вытянувшегося во фрунт с побагровевшим лицом начальника конвоя, и мне его было искренне жаль. «Если сейчас дедушка Корф или князь Барятинский не вме-

шаются, — подумал я, — то я в них сильно разочаруюсь».

Личный друг императора не подвёл. Встав рядом с есаулом, князь невозмутимо произнёс:

— Ваше императорское высочество, выше по течению будет сеть островов, удобных для нападения. Даже в лоциях один остров носит название Разбойный, а ещё один — Разбойник. Мимо острова Зориха мы уже прошли. Для вашей безопасности мною и генерал-губернатором было принято решение о такой передислокации конвоя.

— Государя наследник, — вступил в разговор генерал-губернатор, — именно в этих местах три года назад банда хунхузов пыталась увести станичный табун, а два года назад была разбита банда Золотого Лю. Как говорится, бережёного Бог бережёт. Пока вы находитесь на земле Приамурья, я отвечаю за вашу безопасность.

«Молодцы генералы! — промелькнула в голове мысль. — Настоящие, боевые. Не паркетные шаркуны!»

— Без твоего вмешательства, Аленин, как я думаю, и тут не обошлось? — усмехнулся в мою сторону Николай. — Интересную награду ты выбрал для учеников своей школы.

Цесаревич задумался. Я, есаул и оба его превосходительства замерли, ожидая дальнейшей реакции наследника.

— Хорошо, — произнёс Николай. — Раз решили Владимир Анатольевич и Андрей Николаевич так поступить, пусть так и будет! Опыта у вас значительно больше в таких вопросах.

Цесаревич произвольно провёл правой рукой по воло-

сам, которые скрывали полученные раны.

— Что ж, вернёмся к вопросам, которые я хотел задать Тимофею Аленину, но не хватило времени.

«Оказывается, у наследника ко мне вопросы, — я напрягся. — Убереги меня, Всевышний, от вопросов начальства. Да ещё такого начальства!»

— Тимофей, я ещё на вашей полосе препятствий обратил внимание на несколько необычное снаряжение и вооружение. Теперь время есть. Начнём с того, какими винтовками вооружены ты и твой старший десяток?

— Ваше императорское высочество, — я снял с плеча винтовку и двумя руками протянул её Николаю для показа. — Это новая немецкая комисионная винтовка, которая называется, как мне сказали, «Гевер 88». Заряжается пачкой с пятью патронами на бездымном порохе. Удобно перезаряжать, пачка любой стороной входит. Вставил её, и пять выстрелов у тебя есть. Бой хороший, точность тоже. К недостаткам бы отнёс дороговизну патронов, и в магазин через нижнее отверстие попадает грязь. А это может привести к задержкам при стрельбе. Поэтому при переходах магазин закрываем чехлом из материи, который быстро снимается.

— Лучше других винтовок? — поинтересовался цесаревич.

— Ваше императорское высочество, я могу сравнить только с карабином Бердана и восьмизарядной винтовкой Маузера, которые у меня есть. Если сравнивать с ними, то лучше. А вот если бы «Гевер» была размером как казачья винтовка,

да ещё восьмизарядной, цены такому оружию для казаков не было бы.

– Господа, кто-нибудь ещё знаком с данной винтовкой? Кто что может сказать? – Николай посмотрел на оставшихся с ним только трёх членов свиты.

– Так точно, ваше императорское величество, – есаул Вершинин кивнул. – Перед началом вашего путешествия, по указанию его императорского величества, Конвой в ГАУ выбирал для данного путешествия оружие. Тогда пришлось пострелять из французских винтовок с подствольным магазином Лебеля и Гра-Кропачек. Отстрелялись из австрийской пачечной винтовки Манлихера, а также немецких Маузера и этой коммиссионной «Гевер». Если их все сравнить, то «Гевер» обладает меньшим весом, большей скорострельностью. Выше разве что у Манлихера. Имеет более совершенный патрон, более компактный магазин. Как отметил Тимофей, с усовершенствованной двухсторонней пачечной обоймой, которую можно вставлять любой стороной. В отличие от винтовки Манлихера, где у пачки надо найти «верх-низ». К числу недостатков, не озвученных Алениным, я бы ещё отнёс тонкий ствол «Гевера» с явно лишней «рубашкой» и несколько более медленное, чем у винтовки Манлихера, открывание затвора.

– И почему же, Алексей Львович, конвой вооружен винтовками Лебеля, а не этими? – Николай взял из моих рук винтовку и стал пристально её рассматривать.

– Ваше императорское высочество, нас в отборе оружия участвовало двадцать атаманцев, и пятнадцать остановили свой выбор на винтовке Лебеля, включая меня. Удобнее она как-то к бою, к ношению. Отдача у неё меньше, газов и пламени при выстреле меньше. Да и восемь патронов в магазине и девятый в стволе. Так и выбрали. Перезаряжать дольше, но воевать приятнее.

– Господа, кто ещё что-то скажет о «Гевере»?

– Ваше императорское высочество, мне из моего военного штаба приходил доклад об испытании данной винтовки офицерами Генштаба. Основной вывод: по тактико-техническим данным «Гевер» тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года одна из лучших магазинных винтовок на настоящий момент времени в мире, – доложил генерал-губернатор Корф. – Я на стрельбище пару пачек расстрелял. Мне понравилась винтовка. Особенно мягкий спуск.

– Мне тоже винтовка понравилась, – князь Барятинский погладил свою шикарную бороду. – Я с вашим батюшкой изрядно патронов перевел, стреляя из неё. В этом году Мосин хотел что-то подобное на конкурс представить. А может, уже представил. В путешествии не интересовался этим вопросом.

– Господа! Получается, я один из «Гевера» не стрелял?! Тимофей, ты позволишь?

С этими словами Николай начал отводить затвор, но увидев патрон в стволе, вернул его на место. Вскинул винтовку

к плечу и начал выбирать цель на китайском берегу.

– Ваше императорское величество, там чужой берег, – напярённо произнёс князь Барятинский.

Цесаревич, прекратив целиться, опустил оружие стволом вниз.

– Действительно, не подумал. Перейдем на другой борт. – Николай развернулся кругом и сделал несколько шагов к правому борту.

У меня мелькнула в голове картина, как китайский папарацци прятался в кустах и успел заснять, как цесаревич выбирает цель на китайском берегу. А в вечерних выпусках газет заголовки типа: «Наследник российского престола расстреливает мирных китайцев», «Кровавый зверь Романов готов убивать» и т. п.

Встав за спиной государя наследника, наблюдая, как он целится и выпускает пять пуль в каменный валун на высоком песчаном берегу, от этих мыслей еле сдерживал улыбку на лице. Видимо, пошёл откат от того психологического напряжения, которое испытал за последние четыре-пять часов общения с будущим императором и его свитой.

Я находился в этом мире и чужом теле около трёх лет. Всё это время, как теперь я для себя понял, случившееся со мной воспринимал как игровой квест. Несмотря на полученные ранения, эту жизнь серьёзно не воспринимал. Казалось, что это всё не со мной происходит. И сейчас эта игрушка выключится, и я окажусь в своём мире, где буду всё это вспо-

минать, как приятные приключения.

И только сегодня, в присутствии будущего императора Николая II, генерал-губернатора Корфа, о которых читал, видел их фотографии в Интернете, я понял, что этот мир – мой, теперь навсегда. И это не игрушка, а жёсткий реал, в котором я уже неоднократно стоял на самом краю между жизнью и смертью. Кнопка «Reset» здесь не сработает. Перезагрузки не будет. И я сейчас реально, а не во сне разговариваю с цесаревичем великим князем Николаем Александровичем, будущим Николаем Кровавым. При правлении именно этого молодого человека, за спиной которого я сейчас стою, Российская империя рухнет. На её обломках поднимется ещё более величественная империя – Советский Союз, который также разлетится на осколки. И если большую часть прошлой жизни я прожил пусть в самом большом, но осколке СССР, то теперь мне придётся увидеть крах Российской империи и рождение нового мира. «Тихо, тихо! Спокойнее!» – мысленно произнёс я себе и глубоко вздохнул.

Николай отстрелялся, и, по моему мнению, очень неплохо. Повернувшись ко мне, цесаревич передал мою винтовку со словами: «Действительно, хорошая винтовка. Только балансировка немного подводит. Вы правы, Алексей Львович. Я бы тоже выбрал винтовку системы Лебеля. Она как-то лучше в руках лежит».

После этих слов Николай внимательно окинул меня взглядом и произнёс:

– Продолжим с вопросами. Тимофей у вас в чехле справа что прикреплено к вещевому мешку? Линнемановская пехотная лопатка?

– Так точно, ваше императорское высочество, лопатка, но не совсем Линнемана, – я, держа в левой руке винтовку, правую руку забросил за спину и, расстегнув пряжку ремешка чехла на РД, достал лопатку. – Как видите, ваше императорское высочество, штык лопатки имеет пятиугольную форму. Копаящая сторона штыка двугранная. Эти грани и боковые заточены, что позволяет не только копать, но и рубить, используя лопатку как топор. Длина всей лопатки три четверти, ширина штыка шесть дюймов, длина семь дюймов. В станционной кузнице, конечно, не удалось точно выдержать эти размеры, но в приближении лопатку можно использовать как измерительный инструмент.

– Интересно, – князь Барятинский взял у меня лопатку и пядями измерил её длину. – Действительно, три четверти. А как ещё вы используете лопатку, Тимофей?

– Ваше высокопревосходительство, в основном лопатка используется для обустройства скрытой позиции, бивака: на рубить хвороста для костра, колышки для устройства палатки, выкопать яму для скрытого костра, прорубить проход в зарослях, зимой рубить лёд. Можно использовать как весло при переправе на плотах, даже как сковороду для приготовления пищи. Для боя в ограниченном пространстве она даже эффективнее кинжала. При броске в цель также наносит

куда больше повреждений.

– Интересно и несколько необычно слышать о таком применении обычной пехотной лопатки. – Цесаревич взял из рук князя лопатку, повертел её, попробовал остроту кромок граней штыка. – И казачата могут это показать?

– Так точно, ваше императорское высочество. Разрешите? Цесаревич кивнул, продолжая с задумчивым видом рассматривать мою лопатку.

– Тур, Леший, ко мне! – скомандовал я стоящим ближе всех к нам казачатам.

Цесаревич, дождавшись, когда Верхотуров Антип и Лесков Владимир подойдут, задал вопрос:

– А почему Тур и Леший? Зачем эти клички?

– Ваше императорское высочество, иногда в бою необходимы мгновения, чтобы предупредить об опасности. Пока полностью произнесёшь звание и фамилию того, кого хочешь спасти, его уже убьют. Вот и придумали в первом десятке короткие позывные-прозвища для боя и вне строя. Теперь в школе прозвище-позывной для боя ещё и как награда. Во втором младшем десятке пока только шестеро заслужили. – Я посмотрел на Антипа и Вовку, которые, подойдя к нашей группе, застыли по стойке смирно.

– Верхотуров Антип, – я показал рукой на Антипа. – Позывной Тур, потому что крепкий как тур и в фамилии есть это сочетание букв. Лесков Владимир – позывной Леший. Он в лесу зашел за первый куст и будто растворился. Не вид-

но его и не слышно.

– А у тебя какой позывной, Тимофей? – поинтересовался государя наследник.

– Сначала был Тоха, от имени Тимофей, а потом весь десяток утвердил мне позывной Ермак.

– Эк как! – удивлённо хмыкнул Барятинский. – Значит, десяток такой позывной дал? Это правда?

Цесаревич, генералы и есаул вопросительно воззрились на Тура и Лешего.

– Так точно! Шах, то есть Шохирев Георгий, предложил такой позывной перед боем с бандой Золотого Лю, а мы все поддержали. Как говорят старейшины в станице, Аленины свой род от Ермака Тимофеевича ведут. А Тимофей для нас как атаман, – пробасил Тур, а Леший энергично кивнул, соглашаясь.

– Жалко, Эспер Эсперович такой информации не слышит, – улыбнулся наследник престола. – Он бы замучил вопросами. Надо же, потомок Ермака! Это правда, Тимофей?

– Не знаю, ваше императорское высочество. В семье такое предание было. В станице старейшины не опровергают. Может быть, и правда. Документального подтверждения нет.

Цесаревич задумался, потом ещё раз проверил остроту штыка лопатки, помолчал и, наконец-то, произнёс:

– Ладно! Об этом позже. А теперь, Ермак, пусть Тур и Леший покажут, как они с лопаткой бой смогут вести.

– Тур, Леший, первый комплекс боя с лопаткой. Исходная

у общей стены кают. Приступить! – скомандовал я.

Антип и Вовка, развернувшись кругом, промаршировали к передней общей стене двух кают. Сняв с плеча винтовки, прислонили их к стенке. Достали, расстегнув ремешок чехла на РД, лопатки и встали на одной линии в двух шагах друг от друга.

Крутанув взятой за конец рукоятки лопаткой несколько раз, ребята застыли на мгновение по стойке смирно, опустив лопатку вниз. По тихой команде Тура казачата резко приняли боевую стойку и сделали три шага вперёд, нанося при каждом шаге на резком выдохе удары наотмашь: справа, слева, сверху.

Поворот налево, защитный блок левой рукой, удар лопаткой тычком. Отбив лопаткой слева направо и вниз, боковой удар левой ногой на уровне колена, перехват рукоятки двумя руками и резкий удар лопаткой сверху вниз. Разворот кругом с одновременной защитой лопаткой от удара сверху, левая ладонь фиксирует плоскость штыка. Удар правой ногой в район груди, и с шагом вперёд резкий удар лопаткой сверху. Поворот через спину направо, секущий боковой удар, на возврате перехват лопатки за рукоять у самого штыка, и пять быстрых коротких шагов вперёд с нанесением ударов лопаткой как ножом: справа, прямо, снизу, секущие крест-накрест. Поворот кругом, и казачата замерли по стойке смирно. Прodelали всё это Тур и Леший, несмотря на небольшое раскачивание палубы, быстро, слаженно, почти синхронно.

– Изумительно! – Николай несколько раз хлопнул в ладоши. – Просто великолепно!

За цесаревичем заплодировали есаул и генералы, а также вышедшие из кают доктор, штабс-ротмистр и спустившийся с мостика капитан парохода.

– Тимофей, так ты считаешь, что лопатка эффективнее в бою кинжала? – спросил генерал-губернатор Корф.

– Ваше превосходительство, если в бою один на один сойдутся равные по мастерству воины, вооружённые один кинжалом, а другой лопаткой, я бы отдал победу тому, кто будет с лопаткой. Если с шашкой и лопаткой, то тому, кто вооружен шашкой. Винтовкой со штыком и лопаткой – наверное, тому, кто вооружён винтовкой. Но здесь всё зависит от мастерства и удачи. И лопатка – это всё-таки шанцевый инструмент. Дополнительное оружие, когда другого под рукой не оказалось.

– Хотелось бы посмотреть на такие бои, – усмехнулся князь Барятинский.

– Ваше высокопревосходительство, шашек ни боевых, ни учебных нет. Не взяли с собой. А винтовки для показательного боя использовать жалко, можно ствол и цевье повредить. Может, на судне найдётся черен и доска?

– Аркадий Зиновьевич, найдется то, о чём просит Тимофей, на судне? – спросил капитана парохода Николай.

– Найдём, ваше императорское высочество, – капитан повернулся назад и крикнул в сторону столпившихся у борта

матросов: – Прощка! Бегом принёс дюймовую доску и запасной черен для багра!

В наступившей паузе, пока матрос Прощка в светло-серой парусиновой рубашке и штанах побежал на ют добывать озвученное, штабс-ротмистр Волков и доктор Рамбах подошли к цесаревичу.

– Ваше высочество, я смотрю, у казачат какие-то интересные вещевые мешки, – спросил Волков цесаревича. – Похожи на туркестанского типа, но сильно отличаются.

– Что по этому вопросу расскажешь, Тимофей? – Николай с интересом посмотрел на меня.

– Ваше императорское высочество, мы назвали его...

«Ранец диверсанта не подойдет», – судорожно пролетела мысль в голове.

– Ранец или заплечный мешок охотника, – продолжил я.

Расстегнув пряжку нагрудной лямки, снял ранец и поставил его на палубу перед собой.

– Общий объем мешка около получетверика. Разделён на три части. Основной большой и два небольших боковых. В правом боковом хранится, – я, присев, отстегнул клапан и начал доставать, – котелок с крышкой объемом в пять чарок. Их нам сделал наш кузнец в станице. В нём хранятся ложка, пакеты с сухими ягодами и травами лечебными, заварка, трут, огниво. У меня ещё шведские спички Лундстрема в промасленной бумаге с чиркашом. Леска с крючками. А ниже также пара шаров сибирской мурцовки.

– Что это такое? – поинтересовался цесаревич.

– Это нутряной медвежий жир, скатанный в колобок вместе с сухарями, его можно таскать годами в мешке, – ответил я, – он прогоркнет, затвердеет, но когда пристигнет беда, от колобка наковыряешь крошек, разваришь в кипятке или так пожуешь. Еда горькая, конечно, тошнотная, но очень питательная, на ней можно продержаться много суток.

Я достал из отдела ранца в промасленной бумаге скатанный шар, развернул и показал его Николаю. Потом завернул мурцовку. Цесаревич передёрнул в отвращении плечами.

– Для нормальной еды в левом разделе мешка в кульках есть крупа, сало, соль, бурдюк размером в один штоф с водой. Если вдруг окажешься в местности, где воды не найдешь или она не пригодна для питья. В центральном большом разделе мешка внизу смена белья и портянок и другие вещи, необходимые для похода. Сверху бурдюк с крепким, двойного перегона самогоном, вместо антисептика. На плечевых ремнях: на левом расположены сверху отделения для трёх метательных ножей, ниже подсумок, где хранятся средства перевязки, тампоны, верёвка – перетянуть конечность, чтобы остановить кровотечение, косынка, чтобы подвязать руку или закрепить шину при переломе; на правом две сумки для пачек с патронами. Снизу мешка на ремешках прикреплена плащ-палатка. На правом боку ранца пришит чехол для лопатки. Местные казаки-охотники ранец оценили. Легкий. На три дня похода и больше носимых запасов вполне хватает. У

тётки Ольги на их пошив очередь.

– Внушительно! – князь Барятинский, нагнувшись, взял котелок, поднял крышку и заглянул внутрь. – И сам мешок, и то, что в нём лежит, очень интересные образцы. Как мне кажется, не на одну военную привилегию можно предложить набрать.

В это время на палубу, где стояла наша группа, прибежал Прошка, неся в одной руке длинный, больше косой сажени черенок, а в другой доску.

– Вот, государя наследник, принёс, – произнёс Прошка, на самом деле матёрый мужик лет сорока, который смущённо покраснел после своих слов.

– Разрешите, ваше императорское высочество? – дождавшись кивка цесаревича, закинул РД на плечи, застегнув пряжку, и взял у матроса доску и черенок.

Дойдя до казачат, которые так и стояли, вытянувшись во фронт, я передал доску Лешему, а черен Туру. Замерив на черенке длину винтовки со штыком, сделал отметину. Затем перевернул черен, упер его в палубу и скомандовал Туру: «Руби!» Антип взмахнул лопаткой и на уровне моей груди чисто, без сколов, перерубил черенок, чем вызвал дружный вскрик окружающих. После чего взял у меня черенок, который по размеру имитировал винтовку со штыком. Леший в это время прислонил доску к стене каюты.

Подхватив обрубок, я отошёл чуть в сторону и подал команду: «К бою!» Тур по этой команде принял стойку с че-

ренком, предварительно положив свою лопатку на палубу. Леший принял левостороннюю стойку с лопаткой в правой руке.

– Начали! – подал я следующую команду.

В течение минуты Тур атаковал Лешего, имитируя удары штыком в живот, грудь, шею, голову. Вовка, уходя с линии атаки, совершал из разных стоек отбивы уколов черенком рукой, лопаткой с последующим захватом черенка и обозначением удара лопатки. В некоторых атаках уколы отбивались лопаткой, и ею сразу же наносился удар. После десяти различных ударов Тур и Леший поменялись оружием, после чего уже Тур отбивался от атак Лешего.

– Закончили! – скомандовал я.

Тур и Леший застыли по стойке смирно. Я подошёл к стенке каюты, к которой Леший прислонил под углом доску высотой с маховую сажень, шириной в две пяди и толщиной в дюйм. Встав посередине стены кают, я прислонил доску вплотную к стене и остался стоять рядом, придерживая доску за верхний обрез.

– Тур, Леший, к метанию лопатки и ножей с расстояния... – я на миг сбился, прикидывая, где смогут встать на палубе казачата, – десяти шагов приступить.

Антип и Вовка встали напротив меня. Первым лопатку метнул Тур, за ним Леший. После этого так же быстро по очереди отметали по три метательных ножа, достав их из крепления на левом наплечном ремне РД.

– Да! Вам только в цирке выступать. Лопатки и ножи словно по линейке воткнули. – Князь Барятинский сделал шаг к цесаревичу. – Разрешите, ваше высочество?

Получив от наследника согласие, князь взял из рук Николая мою лопатку и, размахивая ею, изображая удары, вышел на линию, откуда метали Тур и Леший.

– Отлично сбалансирована, – князь покачал лопатку рукой, резко взмахнул и запустил её в мою сторону.

Отметив, что лопата летит не в меня, мне удалось не дрогнуть и удержать доску в исходном положении. Лопата, запущенная его сиятельством, с силой вонзилась в доску, которая не выдержала такого напора и треснула.

– Вот это бросок, ваше сиятельство! – Николай захлопал в ладоши. – Враг, несомненно, повержен.

– Страшное оружие, господа! – князь стоял на линии броска и, глядя на треснувшую доску, неверяще качал головой. – Действительно, страшное.

В этот момент над поручнями капитанского мостика показалась голова матроса, который прокричал: «Прямо по курсу остров Разбойный!»

Взгляды всех на палубе скрестились на цесаревиче.

– Я думаю, надо подняться к рулевой рубке и осмотреться. Аркадий Зиновьевич, у вас бинокль имеется? – спросил цесаревич.

«И куда ты прёшься? Чего тебе отсюда не смотрится? Здесь хоть спрятаться от огня есть где, – подумал я. – Нет,

надо наверх лезть. Под возможные пули подставляться».

Цесаревич в окружении свиты направился в рубку капитана. Я же, подойдя к Туру и Лешему, тихо произнёс:

– Всё, цирк закончился. Начинаем работать. Тур, если будет возможность, прикрывай генерал-губернатора, а ты, Леший, князя Барятинского. Хорошие генералы. Жалко будет потерять. Сейчас пробегите по нашим, проверьте, кто какие себе укрытия подыскал. Напомните о прицеливании над водой. Потом возвращаетесь сюда.

Тур и Леший мотнули головой и разбежались по бортам. Разбежались – громко сказано. Пароход от носа до кормы был метров восемьдесят. Даже меньше. Я ещё раз прошёлся взглядом по баку, запоминая, где что лежит. В бою каждая мелочь пригодится. Особенно если за этой мелочью можно укрыться.

Острова между тем приближались. Пароход против течения узла три давал. Я, как ни вглядывался, никого на островах не видел. В этот момент на нос парохода вернулись Николай и его свита.

«Слава богу, – подумал я. – А то вдруг реально обстрел судна будет. Здесь хоть есть где укрыться. А лучше бы Николая совсем с палубы убрать, упрятав в трюм. Попробовать посоветовать, что ли?!»

– Тимофей, посмотри. Может, ты что-нибудь увидишь, – князь Барятинский протянул мне бинокль.

Приложив бинокль к глазам, я справа налево стал осмат-

ривать берега и острова. На нашем крутом и высоком берегу казаков пока ещё не было видно. Первый небольшой полузатопленный остров около начинающей поймы был пуст. Остров Разбойный возвышался над гладью Амура песчаными отмелями, кустарниками и редким лесом. Я внимательно рассматривал его побережье с нашей стороны. «Где-то должна быть на берегу наша лодка. Времени же много прошло, – подумал я. – Где же лодка, где казаки?»

В этот момент из прибрежных кустов вниз к реке скатилось тело в зелёной казачьей форме. Казак с трудом встал, поднял над собой руки, попытался их скрестить и плахой упал лицом вперёд.

– Что там, Тимофей? – встревоженно спросил генерал-губернатор.

– Кто-то из наших казаков, не смог рассмотреть, кто конкретно, вывалился из кустов на берег, попытался подать сигнал и упал. По-моему, на острове засада. Тревога!

Подтверждая мои слова, с нашего берега защёлкали частые выстрелы из берданок.

– Что будем делать, господа? – спросил цесаревич.

– Я думаю, надо возвращаться, ваше высочество, – произнёс Барятинский. – Капитан Самохвалов, вы сможете развернуть пароход?

– Боюсь, ваше высокопревосходительство, что если и смогу, то очень рядом с островом, и это займёт много времени. Проще дать задний ход.

– А если по пойме вдоль нашего берега пройти, Аркадий Зиновьевич? – спросил генерал-губернатор Корф. – Как мы раньше договаривались.

Острова приближались. Решения со стороны руководства всё не было. А секунды утекали, казалось, с двойной скоростью. Леший и Тур вернулись и встали за моей спиной. Что-то начал говорить цесаревич, я же, поднеся к глазам бинокль, который всё ещё оставался у меня в руках, стал осматривать остров у китайского берега, который весь зарос высокой травой. Где опасность?

Выстрелы с нашего берега продолжались, но по кому стреляли казаки, я не мог определить. Наведя бинокль опять на остров Разбойный, до которого оставалось метров триста пятьдесят, стал внимательно разглядывать каждый кустик. Вдруг заметил световой отблеск от поверхности ствола. Второй. Третий.

«Млять, только бы успеть», – подумал я, бросая бинокль. – Ложись!!! – с этим криком я схватил цесаревича за плечи и, рванув на себя и вниз, бросил наследника на палубу, навалившись на него сверху.

Пока остальные застыли в оцепенении, Тур и Леший прыгнули вперёд и уже под раздавшиеся с острова выстрелы повалили генерал-губернатора и князя Барятинского. Тур и хозяин Приамурья при падении одновременно вскрикнули.

«Здорово я ребят натаскал за два года. Как быстро среагировали», – самодовольно подумал я и осёкся, увидев кровь

на спине Тура и лице генерал-губернатора.

В то же мгновение раздался ещё один залп, и у борта справа рядом с носом рухнули два атаманца, которые никак не отреагировали на мой крик и продолжали стоять в полный рост, успев только вскинуть к плечу винтовки. «Не жильцы, – подумал я. – Так раненые не падают». Кроме атаманцев, схватившись за грудь, на палубу повалился штабс-ротмистр Волков. Есаул Вершинин и доктор Рамбах присели, а капитан Самохвалов застыл столбом.

Цесаревич энергично завоzilся, пытаясь скинуть меня с себя.

– Ваше высочество, лежите спокойно. Это нападение. Не поднимайтесь, – скороговоркой выпалил я в лицо побледневшему Николаю. – Лежите! Здесь непростреливаемая зона получается.

Я сполз с цесаревича и огляделся. Картина была удручающей. Хотя до острова оставалось еще метров триста, два сложенных и многочисленных залпа спрятавшихся в кустах бандитов нанесли ощутимые потери.

Из четырёх атаманцев, которые были на баке, трое были мертвы, четвёртый лежал на спине, и при выдохе у него на губах надулся кровавый пузырь. Были ранены Тур и генерал-губернатор. Остальные атаманцы и Ус, который был по видимому мне борту, укрылись, спрятавшись за борт. Что творилось на другой стороне парохода, я не видел. Но будем надеяться, что Лис и Чуб уцелели.

Князь Барятинский на четвереньках уже подобрался к убитому атаманцу и вытаскивал из-под него винтовку. «Вот это реакция у генерала, – подумал я. – Подтверждает на деле его сиятельство, что золотое оружие в этом времени просто так не давали».

Я расстегнул клапан подсумка и достал наш индивидуальный медицинский пакет. «Доктор! Доктор!» – позвал я фон Рамбаха. Когда тот сфокусировал на мне взгляд, бросил ему пакет.

– Доктор, перевяжите генерал-губернатора. Он ранен.

Доктор осмысленно кивнул, подобрал сверток, подполз на коленях к Корфу и начал разворачивать медпакет.

– Тур! Тур! – окликнул я Антипа. – Ты как?

Верхотуров повернул в мою сторону голову.

– Нормально всё, Ермак. Только перед глазами плывёт.

– Тур, достань медпакет и отдай доктору. Он тебя сейчас перевяжет. Леший, аккуратнее. Смещайся вдоль борта, не застывай на месте, – крикнул Вовке, который уже вёл огонь по засаде, укрываясь бортом и перемещаясь вдоль него после каждого выстрела.

Пока я осматривался и раздавал первые распоряжения, Николай лежал на спине и внимательно смотрел на меня.

– Тебе совсем не страшно, Тимофей? – внезапно задал вопрос цесаревич.

– Страшно, ваше высочество, ещё как страшно. Вы пока полежите. А мне надо в чувство капитана привести.

Резко выдохнув, я вскочил на ноги и, сделав пару шагов, прыгнул на капитана парохода, уронив его на палубу. Сделал я это вовремя. По стенке кают вновь забарабанили пули. Наверху раздался звук разбитого стекла.

«Стёкла в рубке разнесли», – подумал я, развернув капитана лицом к себе.

– Господин капитан, вы меня слышите? Господин капитан!

Глаза на бледном с синюшным отливом лице Самохвалова бессмысленно уставились на меня.

«Шок! Причём конкретный! Да здоровствует интенсивная терапия! Будем клин клином вышибать!» – подумал я и закатил капитану пару оплеух.

– Ты, хрен водоплавающий, якорь тебе в зад, ты меня слышишь? – заорал я в ухо капитану.

Самохвалов очумело затряс головой и с испугом посмотрел на меня.

– Ты должен сейчас меня бояться! Понял, ссука? – я схватил из крепления метательный нож и, скорчив зверскую рожу, приставил его остриё к глазу капитана. – Если ты сейчас не сделаешь то, что я тебе прикажу, я тебе глаз выколю!

По вискам капитана поползли капли пота, но взгляд стал более осмысленный.

Я поднялся и рывком за ворот поднял с палубы капитана.

– Бегом в рубку, – я толкнул Самохвалова в спину, заставляя его быстрее перебирать ногами.

Пробежав вдоль борта, добрались до трапа, который вёл наверх. Подталкивая капитана, поднялись в рулевую рубку с разбитыми стёклами и отверстиями от пуль в стене. На огромном, в человеческий рост, рулевом колесе мёртвым грузом обвис рулевой. Отвалив тело в сторону, я поставил к колесу капитана.

– Слушай сюда! Правишь вон туда между островом и берегом в пойму, – я указал направление ножом. – Всё понял?

– Как смеешь так со мной разговаривать, казак? – лицо капитана стало багроветь.

– Отлично! В себя наконец-то пришли, ваше благородие. – Я убрал в разгрузку нож. – Живы останемся, принесу вам все мыслимые извинения. А сейчас правьте туда, куда я указал, и на полном ходу.

– Мы можем там сесть на мель и застрять!

– Ваше благородие, главная задача – спасти государя наследника. Целостность парохода – полная ерунда. Там в пойме нас казаки прикроют, и цесаревича можно будет на берег эвакуировать.

– Хорошо! – окончательно пришедший в себя Самохвалов, подошёл к раструбу переговорной трубы и заорал: – Механик, механик, полный ход, самый полный!!!

Я выскочил из рубки и скатился по трапу. Увидев испуганные глаза матроса Прошки, крикнул ему:

– Двух рулевых, что с «Ермака» перевели, мухой в рубку. Прошка, развернувшись, побежал под навес на баке.

Всё это время, пока я разбирался с капитаном парохода, судно продолжали обстреливать. С носа корабля редко стреляли оставшиеся в живых и целые Леший, есаул Вершинин, князь Барятинский, а также подскочившие на нос по правому борту Чуб, Ус и два атаманца.

Корабль между тем начал резко набирать ход, поворачивая к правому берегу и подставляя для обстрела левый борт. С юта и из-за левого борта защелкали выстрелы находившихся там атаманцев и Лиса. Пароход-конвоир также стал набирать ход, пытаясь обойти «Вестник» и закрыть его собой. С него также затрещали выстрелы винтовок.

Я, пригибаясь, подбежал к цесаревичу и упал на палубу. Та бухта каната, на которой я сидел, и свёрнутый канат носового якоря создали небольшой, непробиваемый для пуль щит, где разместились уже перевязанные Корф и находящийся без сознания Тур, доктор Рамбах, а также перебравшийся к ним наследник престола.

– Ваше высочество, судно начало поворот направо, переберитесь дальше за канаты, чтобы не попасть под обстрел.

Я резко встал на колени и, приложив винтовку к плечу, посмотрел на быстро приблизившийся остров, до которого оставалось метров сто. Над головой свистнула пуля, и я непроизвольно пригнул голову.

– Аленин?! – услышал я басовитый рык Барятинского.

Повернув голову на окрик, увидел князя, пригнувшегося за бортом и перезаряжающего подствольный магазин вин-

товки Лебея. Вид у его светлости был грозен. Борода распушилась, глаза из-под густых бровей сверкали, по левой щеке от виска стекала струйка крови.

— Куда пароход повернул, говори?

— В пойму к нашему берегу, там государя наследника можно будет на сушу переправить под защиту казаков. Их там больше полусотни.

— Молодец! Правильно решил! — Барятинский, вставив десятый патрон в ствол, задвинул затвор. — Братцы, защитим государя наследника! Огонь по супостату!

Вслед за князем, приподнявшись над бортом, открыли огонь все защитники носовой части парохода. Я вскинул винтовку и прицелился в мелькнувший за кустом на берегу силуэт. Выстрел. Перезарядка. Сместился левее на шаг. Поиск цели на берегу. Вспышка из кустов. Аккуратно под срез целимся. Выстрел. Из кустов выпала винтовка.

«Вестник» между тем, набрав приличную скорость, прошёл ближайшую к острову Разбойный точку и начал отдаляться от засады, заходя за затопленный остров. Пули все ещё стучали, впиваясь в борта, стенки кают. Но обстрел стихал, становясь реже.

«Ермак» почти догнал пароход цесаревича и начал сбавлять ход. С него велась интенсивная стрельба по месту засады. Судя по частоте выстрелов, потерь с нашей стороны на конвоире почти не было.

Тут, я краем глаза заметил, что Николай хочет подняться

на ноги.

– Ваше высочество, лежите, ради бога. Не хватало ещё, чтобы в вас попали.

– Не много ли на себя берёшь, Аленин? – Бледное лицо Николая стало наливаясь кровью. – Все воюют, а я прячусь, как какой-то жалкий трус.

– Ваше высочество, уже пять ваших атаманцев из конвоя погибли, чтобы вы остались живы. Не делайте их гибель бессмысленной.

– Тимофей прав, государя наследник, – раздался слабый и тихий голос генерал-губернатора. – Укройтесь, пока не добрались до безопасного места. Вы должны остаться живым. И это не трусость.

Я, заметив, как из кустов засады выскочили три бандита, стреляя вслед пароходу, выцелил крайнего и свалил его. Раздавшиеся следом с палубы ещё несколько выстрелов уложил на песок и оставшихся двух нападавших.

Пароход в это время начал сбавлять скорость и, пройдя полузатопленный остров, вошёл в пойму, наматывая на колесо траву. Раздался треск, пароход дёрнулся несколько раз, сбивая всех стоящих с ног, и встал окончательно. Гребное колесо ещё молотило по воде, выбрасывая за кормой кучу ила. Через несколько секунд раздался треск, и колесо остановилось. Я приподнялся с палубы, оглядываясь по сторонам.

«Ну что ж, могло быть и хуже», – подумал я. Судно с маху

вошло на заливные луга метров на пятнадцать. Полузатопленный остров прикрыл пароход от засады на острове Разбойный, до которой было метров двести пятьдесят. «Ермак», дав задний ход, резко тормозил, стараясь не войти на затопленный луг и также перекрыть директрису стрельбы для бандитов.

На берегу, куда упиралась пойма реки, столпились верховые и пешие казаки Черняевского округа, часть из которых продолжала стрелять в сторону островов, а часть, в основном пешие, спускались к воде. Над водой разносились матерные конструкции Митяя Широкого.

– Уф-ф, кажется, отбились, – пробасил Барятинский, поднимаясь на ноги и передёргивая затвор винтовки. – С русско-турецкой войны так не веселился.

– Тимофей, поинтересуйтесь у капитана, как будем переправляться на берег, – буквально прошептал генерал-губернатор, с восковым лицом и посиневшими губами.

«Серьёзно дедушку Корфа задели», – подумал я, полностью распрямившись. Стрельба стихла. Я повернулся и, наклонившись, спросил у продолжавшего лежать цесаревича:

– Разрешите выполнять, ваше императорское высочество?

– Иди, выполняй, Тимофей. Только не грози больше Аркадию Зиновьевичу глаз ножом выколоть, – усмехнулся наследник престола.

– Ваше императорское высочество, вы пока не вставайте.

Мало ли что. Остров с засадой рядом, – как можно проникновенней попросил я Николая, после чего повернулся в сторону казачат, которые находились на носу.

– Леший, Ус, Чуб прикрыть государя наследника. Лис, осмотри места, откуда нас смогут огнём достать.

Отдав приказания ребятам и убедившись, что Вовка, Феофан и Устин прикрыли цесаревича, я сделал где-то шесть шагов к трапу на капитанский мостик, когда раздался панический крик Лиса: «Ермак, на два часа дерево, двести шагов!»

Повернув голову направо, сразу зафиксировал взглядом высокое дерево на острове Разбойный, в кроне которого темнело что-то крупное. А потом в том же месте глаза резанула вспышка на солнце.

– Лис, стреляй!!! – заорал, понимая, что с дерева Николай виден как на ладони и не прикрыт казачатами. Я полуобернулся и, увидев, что Николай лежит на том же месте, сделал назад два шага, а потом, как вратарь, прыгающий в девятку за мячом, разрывая мышцы на ногах, толкнул своё тело вверх-вправо, перекрывая возможную траекторию пули.

Время, как всегда в таких ситуациях, замедлилось. Моё тело зависло в верхней точке прыжка, а выстрела всё не было.

«На хрена мне это надо?» – успел подумать я, как тупой и сильный удар в левую сторону груди выбил из меня дух, а потом наступила полная темнота. Как упал на палубу, я уже

не почувствовал.

Глава 4

Разбор полётов

Я с трудом шёл, пытаюсь пробить всем телом окружающую меня чёрную субстанцию. Неожиданно в непроглядной тьме появилась маленькая точка-звёздочка, которая стала стремительно приближаться ко мне. При этом каждый вздох давался мне всё труднее и труднее. Было такое ощущение, что я лежу на спине, а сверху мне положили наковальню, которая стремится продавить мою грудь, особенно каким-то выступом, впившимся с левой стороны.

Звёздочка росла, дыхание становилось всё реже, а боль беспощаднее. Всё! Больше я не смогу под этой тяжестью вздохнуть ни разу. Звёздочка превратилась в белый туннель, в который я почти вошёл, рассекая вязкую темноту. Яркая вспышка. Кажется, я закричал и очнулся.

Я лежал на кровати в незнакомой комнате. В окна светило яркое солнце. Грудь стягивала тугая повязка. Каждый небольшой полувздох отдавался сильной болью в районе сердца. «Кажется, опять выжил, — подумал я и улыбнулся. — Промахнулась в который раз красавица с косой».

Через проём двери в комнату вошла Марфа-Мария и с усмешкой уставилась на меня.

— Что, герой, очнулся?

Я попытался что-то ответить, но изо рта вырвался какой-то хриплый клёкот.

– Сейчас, сейчас! – засуетилась Мария. Взяв с тумбочки около кровати кружку и ложку, стала поить меня с ложечки какой-то горькой дрянью. Сделав пять-шесть глотков, терпя сильную боль в левой половине груди, попытался задать вопрос.

Мария, увидев мои потуги, прижала ложку к моим губам.

– Молчи. Сейчас всё расскажу, что знаю.

Поставив кружку на стоящую у кровати тумбочку и опустив в неё ложку, присела на табуретку.

– Когда ты прыгнул, закрывая государя наследника собой от пули, то, по словам доктора Рамбаха, тебе сильно повезло. Не в рубашке тебя Катерина родила, а в кольчуге! Я не сильно поняла все заумные слова доктора про траектории, углы попадания, рикошета, слышала, когда тебя повторно перевязывали, а я помогала, но пуля попала тебе в один из твоих метательных ножей на перевязи, а под ним ещё и часы цесаревича оказались.

Мария протянула руку и вытянула выдвижной ящик тумбочки. Достав из него нож и часы, показала их мне.

«Вот это да!» – подумал я, рассматривая нож и часы. Судя по всему, пуля по касательной ударила в нож, согнув его. Нож раздавил корпус часов. Попытался представить траекторию пули и положение моего тела в прыжке, чтобы такое произошло. Получилось с трудом.

«Да-а-а уж! Как сказал бы Киса Воробьянинов, везение зашкаливает», – пронеслось у меня в голове.

– Так что, господин гвардии подполковник, отделались вы легко. Немного грудную мышцу повредило, даже сшивать ничего особо не пришлось, всего четыре шва наложили. Ещё ребра тебе сильно зашибло, да синячище во всю грудь, – продолжила Мария. – Доктор беспокоится, что может быть перелом рёбер и контузия легкого. Но я ничего такого не чувствую.

Мария протянула правую руку, и её ладонь застыла над моей левой грудной мышцей. Знахарка закрыла глаза, склонив голову. Вены на её левом виске, который я видел, набухли и, казалось, запульсировали. На лбу выступили капельки пота. Через несколько секунд Мария встряхнула рукой, как будто сбрасывая с ладони что-то на пол, и глубоко вздохнула.

– Нет, ничего такого плохого не чувствую, – на выдохе с трудом произнесла она. – Через три-четыре недели всё будет в норме. Только шрам на груди останется. Но, как говорится, шрамы украшают мужчину. Только что-то у тебя их уже многовато. В прошлой жизни столько же было, или больше?

– Нет. Где я? – с трудом выдавил из себя три слова.

– У меня. В комнате для больных. Ты теперь погорелец. – Мария невесело усмехнулась. – Сожгли хунхузы твой хутор. А у Селевёрстовых и так тесно. Не на полатах же тебе лежать. Вот и перенесли ко мне.

«Вот это номер! Хорошо, что ещё пару месяцев назад де-

довы награды, пашку с кинжалом, документы, бумаги, деньги и настойку женишениа перенёс к Селевёрстовым. Мальки очень любопытные были. Всё им надо было посмотреть, потрогать. А самородки давно в схроне лежат, подальше от чужих глаз. Но добра много пропало. Книги, учебники, одежда, снаряжение, оружие... Ё-моё!!! Можно сказать, я теперь гол как сокол, но, слава богу, остёр как топор», – грустно усмехнулся про себя.

– Не переживай, Тимофей, – Мария погладила меня по голове. – Станичники помогут отстроиться. Тем более, если бы не твой младший десяток, и станице бы не поздоровилось. А так отбились, почти без потерь.

Я вопросительно уставился на знахарку.

– На станицу тоже было нападение. С двух сторон. От Зорихи и с дороги от твоего хутора. Казачата предупредили. Успели улицы перекрыть телегами, кольями. Даже щиты собрать успели. – Мария тяжело вздохнула. – Из наших станичных никто не погиб. Пятеро казаков да три казачки ранены. Из других станиц делегатов трое убито да трое ранено. Отбились, слава богу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.